

ЭДУАРД ПАШНЕВ

ЧЕЛОВЕК **В коротких** **штанишках**

Annotation

... Это было удивительно. Маленькая девочка лежала в кроватке, морщила бессмысленно нос, беспорядочно двигала руками и ногами, даже плакать как следует еще не умела, а в мире уже произошли такие изменения. Увеличилось население земного шара, моя жена Ольга стала тетей Олей, я – дядей, моя мама, Валентина Михайловна, – бабушкой, а бабушка Наташа – прабабушкой. Это было в самом деле похоже на присвоение каждому из нас очередного человеческого звания. Виновница всей перестановки моя сестра Рита, ставшая мамой Ритой, снисходительно слушала наши разговоры и то и дело скрывалась в соседней комнате, чтобы посмотреть на дочь. Нам так часто туда заходить не разрешалось. Был еще один человек, которому с появлением Алочки присваивалось звание отца. Но он не знал об этом. Сам виноват. Уехал в неизвестном направлении и адреса нам не оставил. ...

- [Эдуард Иванович Пашнев](#)
 -
 - [Очередное человеческое звание](#)
 - [Игрушки-погремушки и все такое прочее](#)
 - [Семейный совет](#)
 - [Облучение улыбкой](#)
 - [Слова](#)
 - [Опыт взрослых](#)
 - [Дениска](#)
 - [Андрейка](#)
 - [Голубой бант](#)
 - [Прямая и обратная связь](#)
 - [Ружье](#)
 - [Зимняя глава](#)
 - [Зеленка](#)
 - [Побелка деревьев](#)
 - [Глиммингенский замок](#)
 - [Дух противоречия](#)

- [Пояс](#)
 - [Бабантопула](#)
 - [Кулачок](#)
 - [Автобус](#)
 - [Мамочка](#)
 - [Буква Ф, Ф, Ф](#)
-

Эдуард Иванович Пашнев

Человек в коротких штанишках

Дорогой друг!

Неправда, что все взрослые люди только тем и занимаются, что воспитывают тебя с утра до вечера. Ты тоже их воспитываешь, хотя редко замечаешь это.

Мама несправедливо накричала, ты промолчал и пошел в магазин за хлебом, как ни в чем не бывало. Она сама поймет, что была не права, и постарается побыстрее исправиться, и в следующий раз не станет кричать напрасно не только на тебя, но и на соседку.

Учительница заподозрила тебя в нехороших действиях, в то время как ты был занят хорошим делом, готовил сюрприз для всего класса. Ты не обиделся, не подал вида, что заметил недоверие. Она сама обнаружит свою ошибку и благодаря твоей доброте станет внимательнее и добрее не только к тебе, но и ко всем людям.

Ты тоже воспитатель, вот что удивительно. Ты отвечаешь за воспитание своих родителей так же, как они отвечают за тебя. Ты отвечаешь и за маленького брата и за маленькую сестренку. Ты отвечаешь и за будущее соседского мальчишки, которого взял с собой на рыбалку. Мы все являемся воспитателями друг друга, даже если нас самих еще нужно воспитывать. В этом весь секрет.

Очередное человеческое звание

В нашей семье появился новый человек – маленькая девочка.

– Население земного шара увеличилось еще на одного человека, – сказал я.

– Шутишь, а по-настоящему не понимаешь, что произошло, – заметила жена. – Ты стал дядей.

– Я и был дядей. Слава богу, за тридцать перевалило.

– Ты был дядей сам по себе, «дядей, эй, достань воробушка», а теперь ты Аллочкин дядя. Улавливаешь разницу? Это как если бы ты был обыкновенный человек, а потом тебе неожиданно присвоили ученое звание.

– А ты, выходит, тетя?

– Да, – с гордостью ответила жена, – а мне присвоено звание тети Оли.

Это было удивительно. Маленькая девочка лежала в кроватке, морщила бессмысленно нос, беспорядочно двигала руками и ногами, даже плакать как следует еще не умела, а в мире уже произошли такие изменения. Увеличилось население земного шара, моя жена Ольга стала тетей Олей, я – дядей, моя мама, Валентина Михайловна, – бабушкой, а бабушка Наташа – прабабушкой. Это было в самом деле похоже на присвоение каждому из нас очередного человеческого звания.

Виновница всей перестановки моя сестра Рита, ставшая мамой Ритой, снисходительно слушала наши разговоры и то и дело скрывалась в соседней комнате, чтобы посмотреть на дочь. Нам так часто туда заходить не разрешалось.

Был еще один человек, которому с появлением Алочки присваивалось звание отца. Но он не знал об этом. Сам виноват. Уехал в неизвестном направлении и адреса нам не оставил.

Игрушки-погремушки и все такое прочее

Пятьдесят лет – подходящий возраст для юбилея. Но когда человек только что начинает жить, и пятьдесят дней – круглая дата. Мы с Ольгой еще накануне отправились в магазин «Буратино» за подарками. Я купил набор погремушек, а она выбрала три резиновые и три гуттаперчевые куколки. Продавщица уложила погремушки и пупсиков в две разные коробки, и мы, довольные своей щедростью, отправились на юбилей к Аллочке.

В дверях нас встретила усталая, невыспавшаяся мама Рита.

– Что это такое? – спросила она, глядя на коробки. – У меня погремушки, у нее – пупсики. Мы с ней решили отдельно дарить, – сказал я.

– Где наша маленькая юбилярша? – заглянула нетерпеливо в комнату моя жена.

– Минуточку, минуточку, – остановила ее мама Рита, – что это вы вздумали?

– Доводим до твоего сведения, – начал я, – что у твоей дочери сегодня юбилей. Пятьдесят дней. Первая круглая дата. Подарки – юбиляру, шампанское – на стол! Тебе тоже можно немного выпить. Я консультировался с врачами.

– Минуточку, минуточку, – повторила еще раз Рита.

Она отобрала коробку, достала первую попавшуюся погремушку и сказала:

– Можешь подарить эту одну, а Ольга пусть подарит одну куколку, но не больше, не коробками.

– Рита, я тебя не понимаю, – удивилась моя жена. – Разве мы не имеем права подарить на два рубля игрушек?

– Вы имеете, – вдруг крикнула она с болью, – да я не имею права баловать свою дочь. Чтобы не наступило потом горькое разочарование.

– Какое разочарование? О чем ты говоришь? – взмахнул я руками.

– О том, что у нее нет отца и ее потом некому будет баловать. Пусть привыкает к суровой жизни.

– Рита, ты моя сестра, я твой брат. Никакой суровой жизни для своей племянницы я не допущу. Ты пойми... Сегодня не обычный день, а юбилей.

– Вот как? – без улыбки, с каким-то мрачным ожесточением спросила она. – Никаких юбилеев. Сейчас даже в учреждениях отменены юбилеи.

– Рита, по-моему, ты поступаешь неправильно, – переменяла тактику моя жена. – То, что куплено, должно быть вручено.

– Я сказала – так и будет.

На лбу у нее собрались морщинки, и она стояла перед нами незнакомая, чужая.

– Много игрушек не так уж плохо. Кашу маслом не испортишь, – вмешалась осторожно бабушка Валя.

– Ты так думаешь? – повернула к ней свое нахмуренное лицо Рита. – А я думаю иначе. Я никому не позволю портить мне воспитание дочери.

– Мне кажется, ты не права, я согласна с Ольгой.

– Я сказала...

– Ну, тогда я тоже скажу, – рассердилась Ольга. – Мне тут больше нечего делать.

– Подожди, куда ты? – Я побежал за своей женой к двери, потом вниз по лестнице. – Ольга, ну подожди.

– Ноги моей здесь не будет. Твоя сестра слишком много себе позволяет. Пусть сначала как следует прочтет Песталоцци, Ушинского, Гогобашвили, а потом воспитывает.

– Песталоцци тут ни при чем, – уныло возразил я. – Это же ее дочь, и она как захочет, так и будет ее воспитывать.

– Нет уж, извините! Может, она захочет, как компрачикосы, воспитывать ее в кувшине с узким горлом, а мы ей позволим? Ты заметил, как она наморщила свой маленький лобик?

– Лобик у нее не маленький.

– Неважно, но ты заметил, как она его наморщила?

– Да, я заметил. Она строгая. Она с детства была такой серьезной.

– А ты знаешь, что это преступление – входить с таким наморщенным лобиком в комнату к маленькой девочке? Ей улыбка сейчас нужна больше, чем витамины, а когда ты видел у своей милой сестрички улыбку последний раз?

– Позавчера видел, – вяло сказал я.

– Не смей меня.

Мы были так расстроены сорвавшимся юбилеем, что забыли сесть на трамвай и шли уже третью остановку пешком.

Семейный совет

Бабушка Валя, Рита и Алла жили в центре города на Никитинской улице, а мы с Ольгой и прабабушка Наташа – на самой окраине, в Березовой роще. Мы так долго шли, что прабабушка Наташа стала волноваться. И Квадрат разволновался, стал бегать по комнате, вспрыгнул на подоконник и смотрел в окно, пока не увидел нас.

Квадратом звали нашу болонку. Эту кличку придумала, конечно, моя жена. Она предпочитает все оригинальное, такое, чтоб ни у кого не было. Купила как-то кожаное пальто, и, как нарочно, наша соседка купила себе такое же, и сотрудница пришла на работу в таком же. Тогда, не долго думая, моя жена взяла ножницы и отрезала у пальто рукава. Получился очень оригинальный осенний сарафан. И главное, ни у кого такого не было. Она и замуж за меня вышла, потому что оригинально быть женой человека по прозвищу «Дядя, эй, достань воробушка». Мое предложение назвать болонку Шариком, Бобиком, Тузиком только рассмешило Ольгу. «Это уже было», сказала она, и стал наш пес Квадратом.

Прабабушка Наташа и пес встретили нас, как всегда, вместе. Квадрат подпрыгнул, сдернул с руки Ольги варежку и забегал по комнате, размахивая хвостом и весело косясь одним глазом из-под нависших косм. А прабабушка сразу же спросила:

– Ну, как там Аллочка? Что-то вы долго были.

– Плохо, – буркнула Ольга.

– Что случилось? Заболела?

– Да ничего не случилось, бабушк, – попытался я сгладить ответ жены, – просто у нашей Риты плохое настроение и она не разрешила отдать девочке игрушки

– Да как же так? – она всплеснула сухонькими руками и прижала их к груди, выражая этим жестом свое неодобрение.

Мы прошли в свою комнату, а прабабушка так и осталась стоять на пороге кухни с прижатыми руками. И только минут через десять или пятнадцать, придя в себя, спросила:

– Ужинать будете?

Мы молча сели за стол, но не успели поесть, как в дверь позвонили. На пороге стояла бабушка Валя. Она швырнула пальто на стул, прошла сумрачно на кухню, закурила и только после этого сказала:

– Я разведусь с ней. Поменяю квартиру и разведусь. Не могу смотреть, как она издевается над ребенком.

– Что еще случилось? – испугался я.

– Ты что, не знаешь, что ли, свою сестричку? – иронически спросила Ольга.

А прабабушка Наташа, не в силах вымолвить ни слова, опять прижала испуганно кулачки к груди.

– Ничего не случилось. Алка заплакала, я решила пойти к ней в комнату, успокоить. Так она меня не пустила. Говорит: «Пусть развивает легкие. Может, она певицей будет, когда вырастет. Наполеон в детстве заходился плачем до синюхи». Я говорю: «Она плачет не потому, что хочет стать Наполеоном, а потому, что обмочилась». – «Очень хорошо, – отвечает. – Пусть привыкает, что мы ей меняем пеленки через каждые два часа, а не через пять минут». Где-то она прочитала, что за границей детям кладут вату в штанишки, и пусть он кричит, не кричит, раньше, чем положено, эту вату не меняют. И она собирается применить этот передовой метод.

– Она соображает, что делает? – взорвалась Ольга.

– Она прочитала, – сказал я. – Где она только могла такое прочитать! Тоже мне Летиция Буонапарте. – Я схватил с полки книгу. – Вот что она пусть прочтет: «Установлено, что связь между ребенком и матерью основана на сигналах. Самый ранний сигнал, который издает ребенок, – это плач. Ребенок плачет, чтобы привлечь внимание матери. Сигнал ребенка должен вызвать защитный ответ у родителей».

Я с шумом захлопнул книгу и поставил на полку. Но Ольга тотчас сняла ее опять и раскрыла. Наступила ее очередь возмущаться.

– Плач – односторонний сигнал. Родители в ответ не плачут же, – принялась она втолковывать научные истины. – А отношения ребенка и матери не могут осуществляться без двухстороннего сигнала. И таким сигналом является улыбка. Вот здесь описан случай, – она нашла нужную строку пальцем. – Вот... «У матери только что родившегося ребенка из-за депрессии, связанной с тем, что ее бросил муж, надолго исчезла с лица улыбка. Ребенок, воспитывавшийся этой

матерью, до шести месяцев не улыбался и не радовался. Но выразительные возможности ребенка были сохранены: он улыбался своей тетке, при виде ее рвался к ней на руки. Если ребенок оставался в одной комнате с матерью, то становился беспокойным, карабкался из кровати, всеми своими движениями требовал внести его в комнату тетки».

Бабушка Валя внимательно слушала мою жену.

– А ведь правда, – сказала она. – И наша не улыбается. Эта морщит лоб, и маленькая морщит лоб, как старушечка. Я уж и то заметила и захожу, улыбаюсь ей. Хорошо, что ты мне прочитала этого ученого. Я теперь знаю, что мне делать. Улыбаться она мне не запретит.

– Она переживает, что у ее дочери отца нет, – робко вставила прабабушка Наташа.

– Подумаешь, отца нет. У нее дядя есть, – стукнул я себя в грудь. – Я тоже буду улыбаться Алке при каждом удобном случае. Вот начну нарочно ходить каждый день в гости на Никитинскую. Она у нас не останется без улыбки.

– Правильно! – стукнула Ольга кулаком по столу. – Мы все будем улыбаться. Девочка нуждается в облучении улыбкой. Я сказала, что ноги моей там не будет, но я завтра же заявлюсь в гости и скажу: «Здравствуйте, я ваша тетя». И буду улыбаться. Пусть ваша Маргариточка, Валентина Михайловна, позлится. И вы, Бабуля, – обратилась она к прабабушке Наташе, – когда поедете в гости, тоже улыбайтесь своей внучке, вернее, правнучке.

– Я, конечно, буду, – заверила Бабуля. – Мои дети: и Аркадий, и Анатолий, и вот Валентина не даст соврать – не оставались ни без хлеба, ни без улыбки. Хотя время было какое трудное.

Квадрат мог часами носить в зубах варежку Ольги. Но сейчас он с таким любопытством прислушивался к разговору и вглядывался в лица, озаренные вдохновением, с таким вниманием, что выронил варежку и сидел, высунув язык и время от времени чихая от папиросного дыма. Бабушка Валя от волнения курила одну папиросу за другой, и сказать ей ничего было нельзя.

Облучение улыбкой

Большое расстояние между Никитинской улицей и Березовой рощей существенно осложняло выполнение нашего плана, но мы сознательно жертвовали своим свободным временем. Я отказался от похода в лес за грибами, от встречи с приятелем, который обещал мне показать коллекцию значков, от посещения театра. Только от выступления по телевидению не смог отказаться, потому что оно уже было объявлено в программе. Ольга тоже отказалась от посещения театра, от встречи с портнихой, отменила прием гостей, назначенный на воскресенье. Только от позирования художнику она не смогла отказаться. Он позвонил по телефону и умолил ее прийти хоть на часок. Визит к художнику и мое выступление совпали в один день, а мы не хотели оставлять Аллочку без улыбки ни одной секунды. Выручила нас прабабушка Наташа.

– Я поеду на Никитинскую, поживу там немного, – сказала она. – Пока вы освободитесь.

Прабабушка Наташа уехала, а на другой день вечером раздался телефонный звонок.

– Сергей, – спросила встревоженным голосом Рита, – ты ничего не замечал за бабушкой?

– Нет. А что такое?

– Не знаю, как тебе объяснить. Она очень странно себя ведет. Стоит мне отвернуться, как она подходит к Аллочке и начинает ей строить рожи. Я обернусь – она сразу прекращает и виновато отходит в сторону, как будто украла что-нибудь.

– Улыбку разучилась узнавать! – крикнул я ей. – Это она улыбается твоей дочери, поняла?

– Зачем? – раздался в трубке удивленный голос моей сестры.

– Ну, этого я тебе не в силах объяснить. Это все равно, что спросить: «Зачем светит солнце?»

Я ее так озадачил, что она на какое-то время замолкла, а потом, видимо, не сумев побороть сомнение, опять спросила:

– Так ты считаешь, что она улыбается? А мне показалось, что она как-то странно гримасничает.

– Улыбка не бывает без гримасы. Без прекрасной гримасы. Поняла?

Ольга с заинтересованным видом прислушивалась к разговору.

– Ну, что? – спросила она, когда я повесил трубку.

– Бабулия наша действует в тылу противника. Только Рита ее уже обнаружила.

– Очень хорошо, – одобрила Ольга, – завтра моя очередь.

Рита встретила мою жену настороженно. Она катила коляску с Аллочкой по двору и поздоровалась еле заметным кивком. В другое время Ольга обиделась бы, фыркнула, но сейчас она разулыбалась широко и приветливо.

– Здравствуйте, хорошие люди! Рита, дай я покатаю немножко твою дочь, а ты пока отдохни.

Миролюбие Ольги ошеломило мою сестру. Она безропотно отдала ручку коляски, и тетя покатила Аллочку, светясь над ней, как солнышко. Девочка вертела головой и глазенками, разыскивая свою молчаливую маму, но моя жена увозила ее все дальше и дальше от строгого, нахмуренного лба Риты. Погруженная в себя, в свои переживания, она почти не разговаривала с дочерью на улице, даже поправляла подушку и всовывала соску молча. А Ольга везла маленького человека и тараторила без умолку:

– Здравствуйте, хорошие люди! Мы ведь очень хорошие люди. Просто замечательные, не правда ли? Nest-ce pas, – как говорят французы. А если кто думает иначе, то пусть лучше помалкивает, пока мы ему не набили хорошую шишку на лбу. Мы скоро сами подрастем и сами себя будем катать на коньках, на лыжах и на велосипеде.

Она говорила, и в каждом словечке было немножко солнца, улыбки. И лицо ее было ласковое, доброе. Я просто не узнавал свою жену. В одну секунду в ней все переменилось, и она стала очень красивой. Светлые волосы слегка золотились на солнце, а в глазах, доверчивых и нежных, отражался радостный свет ясного осеннего утра. Одета она была в кожаное пальто без рукавов, то есть в сарафан, застегнутый на большие бронзовые пуговицы с чеканкой. Начищенные до блеска, они ярко сверкали. Я смотрел на нее и не мог насмотреться. И, может быть, впервые в жизни по-настоящему пожалел, что у нас нет своих детей.

Моя очередь улыбаться наступила в понедельник. Ольга осталась дома, от неприятностей на работе у нее разболелась голова, и вообще у нее было плохое настроение. Прабабушка Наташа тоже осталась дома. После трехдневного отсутствия она вернулась в Березовую рощу усталая, но довольная собой. В понедельник я должен был заменить и бабушку и Ольгу. Честно говоря, мне тоже хотелось остаться дома, полежать с книжкой на диване после трудного дня, но я не дал себе расслабиться. Сунул тетрадку со стихами в карман и поехал на Никитинскую.

Риту я застал в слезах. Увидев меня, она закрылась телефонным справочником и зарыдала еще сильнее. Бабушка Валя стояла поодаль, прислонившись к косяку двери, скорбная, с темными кругами под глазами.

– Почему у вас опять идет дождь? – спросил я.

– Пусть поплачет, – устало проговорила баба Валя.

– Почему пусть?

Рита бросила телефонный справочник на стол, выбежала в коридор и закрылась в ванной комнате. Мы услышали, как она включила воду.

– Что все-таки произошло?

– Разговаривала с ним по междугородному телефону. Галка ей где-то раздобыла адрес и телефон. Дозвонилась, а он положил трубку, не стал разговаривать.

– Что она ему все навязывается? – Я ужасно разозлился. – Это даже неприлично. Сама навязывается и навязывает ему прекрасную дочь.

– Ты ничего не понимаешь. У девочки будет прочерк в графе «отец».

Вода в ванной комнате шумела ровно и сильно, и мы не знали, умывается Рита или открыла кран, чтобы заглушить рыдания.

– Я ничего не понимаю, – согласился я. – Я бы вместо такого папы два прочерка поставил и забыл бы о нем навсегда. Радоваться надо, что у нее дочь, а она рыдает. Глупость все это.

Я махнул рукой и прошел в комнату к девочке. Аллочка лежала распеленатая. Она тянулась ручонками к погремушкам, привязанным над головой, но движения ее были неуверенные, и она все время промахивалась. Не помогали и растопыренные пальцы. Мне очень

понравилось, как Ольга разговаривала с ней в воскресенье, и я тоже сказал:

– Здравствуйте, хорошие люди! Пришедшие в гости приветствуют вас. Как говорили древние латиняне: Ave Caesar, morituri te salutant. Впрочем, это не совсем к месту, но ты ведь маленькая хорошая балда и ничего не понимаешь.

Я достал тетрадку со стихами и помахал ею в воздухе. Алла оставила погремушки и заинтересовалась моей тетрадкой. Польщенный ее вниманием, я начал читать.

Шел по лесу белый заяц.
Прыг-скок!
Прыг-скок!
Занозил об елку палец.
Прыг-скок!
Прыг-скок!
Вдруг навстречу ему волк!
Прыг-скок!
Прыг-скок!
«Подожди-ка, бедный заяц,
Я перевяжу твой палец.
У меня есть бинт и шелк». —
А зубами
Щелк да щелк.
Заяц резко прыгнул вбок.
Прыг-скок!
Прыг-скок!
Не обманешь, серый волк!
Прыг-скок!
Прыг-скок!
За кусток!
Под мосток!
И наутек!
«Знаем хитрости волков», —
Так сказал – и был таков.

Читая стихи, я гримасничал, играя и роль зайца и роль волка. Войдя в азарт, я стал даже подпрыгивать. Если Аллочка не понимала слов, то она должна была понимать жесты, движения. Я так бурно радовался, что заяц не поддался на волчью хитрость, что чуть не опрокинул горшок. Сев на пол после всех заячьих и волчьих прыжков, я увидел, что в дверях стоит Рита и как-то странно на меня смотрит.

– Ты что делаешь? Что с вами со всеми происходит? Вы с ума сошли или я схожу с ума?

Глаза у нее были красные, но она взяла себя в руки и была почти спокойна, даже собрала, как всегда, на лбу гармошкой морщины.

– Ничего не происходит, – обиделся я. – Просто один хороший человек читает стихи другому хорошему человеку, специально для этого сочиненные.

– Стихи?

Морщины сбежали со лба и выстроились вокруг глаз, губы дрогнули. Я думал, она опять заплачет, но Рита вдруг рассмеялась. Смех получился у нее не очень уверенный, как у человека, который смеется первый раз в жизни. И тут произошла другая неожиданность. Алла взмахнула руками, азартно взвизгнула, и мы услышали, как она смеется, хохочет, растягивая во всю ширину свой беззубый рот и помогая себе руками и ногами. Ничего прекраснее этого детского неумелого повизгивания я никогда не слышал. Девочка отвечала на улыбку матери, и Рита, подхватив ее на руки и прижав к себе, опять заплакала, но по-другому, светло и радостно. Это был дождик при солнце, дождик с радугой. Так и хотелось крикнуть: «Дождик, дождик, посильней, чтобы травка зеленей». Но я не крикнул, боясь спугнуть улыбку на лице сестры. Я только выразительно посмотрел на бабушку Валю, а она мне подмигнула и сказала:

– Закурить по этому поводу.

На следующий день Ольга не смогла зайти на Никитинскую и поулыбаться там, как мы договаривались. Я пришел вместо нее. Бабушка Наташа собиралась поехать и пожить недельку около Аллочки, но приболела и осталась дома. Я пошел и вместо бабушки. Недели через две я выяснил, что хожу и улыбаюсь один. Бабушка Валя тоже забыла о нашем уговоре, и я часто заставлял ее озабоченной и сердитой. Но я ходил и улыбался, ходил и улыбался и с каждым днем все больше и больше привязывался к маленькой девочке. И однажды я

сделал открытие, что хожу уже давно не для того, чтобы воспитывать Аллочку, не для того, чтобы облучать ее своей улыбкой, а чтобы самому облучаться. Мы поменялись с ней ролями. Я слышал, как один раз Рита назвала Аллочку «Солнышко мое». Это солнышко светило и для меня.

Слова

Обращение Ольги «Здравствуйте, хорошие люди» прижилось в нашей семье. Его стала употреблять и бабушка Валя, и Рита, и наши соседи. Маленькая девочка отвечала на него радостной улыбкой. Это обращение предвещало веселую игру с тетей, дядей или бабушкой. И однажды, когда мы с Ольгой пришли в гости и только собрались поприветствовать Аллочку, как вдруг она подпрыгнула в кровати и не сказала, а выкрикнула нетерпеливо:

– Здравствуй! Те! Люди!

Это была едва ли не первая логически построенная фраза после того, как она научилась говорить «мама», «баба» и «тетя». Люди замерли от неожиданности, а наша девочка запрыгала еще сильнее в кровати и выкрикнула еще увереннее:

– Здравствуй! Те! Люди!

Какой тут начался переполох! Ольга подхватила Аллу на руки, я отнял ее у своей жены и начал подбрасывать под самый потолок, бабушка Валя испуганно кричала:

– Что вы делаете, сумасшедшие? Вы ее сломаете.

А наша девочка счастливо смеялась и повторяла:

– Здравствуй! Те! Люди!

В этот день кончилась безъязыкая эпоха мимики и жестов. В мир пришел не только улыбающийся, но и говорящий человек. Едва научившись произносить первые слова, Алла всех переименовала по-своему. Тетя Оля стала тетей Лелей, бабушка Валя – бабой Валеи, прабабушка Наташа – бабой Натой. Но больше всего повезло мне. Я превратился в дядю Эй. Леля иногда говорила про меня: «А вот пришел еще один хороший человек – «Дядя, эй, достань воробушка». Так я ей и запомнился и стал дядей Эй. Мама Рита некоторое время протестовала против такого, как она считала, неуважительного обращения к дяде писателю.

– Дядя Сережа, а не дядя Эй.

– Дядя Эй, – настаивала девочка.

– Скажи, – учила мама Рита, – дядя Се-ре-жа. Ты же умеешь.

– Дядя Эй!!! – сердито выкрикивала дочь.

– Ты еще научи ее называть меня дядя Сергей Петрович, – съязвил я.

– Ну, если тебе нравится, чтобы тебя подзывали, как мальчишку, то пожалуйста, – обиделась она.

Мне нравилось. Мне очень нравилось. Наверное, каждому человеку знакомо чудо, которое происходит с твоим собственным именем, когда кто-то один, очень близкий, переделывает его по-своему и называет тебя так, как никто другой не называет. И твое имя тогда звучит так же красиво, как звук трубы в пионерском лагере, как неожиданная соловьиная трель в вечернем лесу, как цоканье любопытной белочки над головой. Когда ко мне подбегала наша маленькая девочка и опрашивала: «Дядя Эй, ты почему так долго не был?», мне казалось, что она не произносила мое имя, а играла его на флейте или на скрипке.

Переименовав нас по-своему, Алла принялась переименовывать все, что попадалось ей на глаза или что она узнавала от взрослых.

Стоило бабе Вале сказать: «Не трогай чайник, он же горячий. Обожглась?» – как следовал удивительно точный ответ: «Нет, только обгорячилась».

Фиолетовую фиалку она тотчас же назвала фиалочкой, потому что ей показалось мало одной буквы «ф» для такого цветка.

Я не успел заметить, когда это произошло, но вдруг слова неожиданно прекрасные, смешные, милые стали рождаться в Аллочке, как серебряные пузырьки в газированной воде.

Не успела моя жена открыть дверь и впустить, говоря словами нашей девочки, «всегдажданных» гостей бабу Валю и Аллочку, как из прихожей уже раздалось:

– Леля, Леля, на базаре живые цыплята-подростки продаются. Вам не надо?

– Нет, не надо. Мы не собираемся открывать в своей квартире птицеферму.

Но Алла, не дослушав Лелю, мчалась дальше:

– Дядя Эй, мы купили два шара. Два сосиски-шара и два круглых. Хочешь один надуть? Бери. Мне баба Валя еще купит.

– Спасибо большое.

– Пожалуйста большое.

Я засмеялся, хотя и понимал, что моя племянница права. Если есть «большое спасибо», то почему не может быть «большого пожалуйста»?

– В первое время я никак не могла привыкнуть, что вы живете так далеко, – сказала баба Валя, снимая пальто.

И тотчас же услышала брошенное Аллой мимоходом:

– А во второе время привыкла.

И через секунду уже на кухне спрашивала:

– Баба Ната, а почему у тебя кровать на высоких каблуках, а у нас на колесиках?

– Я не знаю, Аллочка. Такой ее сделали.

– А знаешь что... Мы хотим взять котеночка сибирского.

– Какого? – не расслышала баба Ната за шумом плиты.

– Маленького такого, – объяснила девочка, – который только что откатился.

Баба Ната успела улыбнуться, но не успела ничего ответить. Внучка со скоростью шаровой молнии выкатилась из кухни и понеслась дальше, всех цепляя и искрясь:

– Леля, Леля, что я хочу тебя спросить... Правда, гигиена прямо по деревьям лазит?

– Кто?

– Ну, животное такое, похожее на кошку: гигиена.

– Не гигиена, а гиена. Но ты, наверное, имеешь в виду леопарда?

Тете Леле не удалось узнать, что Аллочка имела в виду. В другой комнате залаял Квадрат, и она встрепелулась:

– Надо посмотреть, что там случилось.

Я догнал ее в прихожей, где наш пес облаивал соседку, пришедшую позвонить по телефону.

– Слушай, шаровая молния, ты можешь хоть минутку посидеть смирно? Я уже пятнадцать минут гоняюсь за тобой с коробкой, которую никак не могу подарить.

– А что это?

– Лото на четырех языках. Вот видишь карточки: яблоко, по-французски – пом, трамвайчик, груша...

Алла заглянула в коробку, ничего неожиданного эта игра ей не сулила. У нее дома уже было похожее лото.

– Могу посидеть, – сказал она. – Только не на стуле, не на полу и не на диване, а на тебе.

В одну секунду она вскарабкалась на диван, а оттуда ко мне на спину. Я ей помог поудобнее устроиться у себя на шее, а потом спросил:

– Ну, теперь ты меня выслушаешь? Бежать больше некуда, кроме как на люстру.

– Теперь выслушаю, – сказала она.

– Это лото не такое, как у тебя дома. Оно на четырех языках. Видишь карточку с яблоком? На обороте написано название яблока по-русски, по-немецки, по-французски и по-английски. Знаешь, как будет по-французски «яблоко»?

– Как?

– Ле пом. Повтори: ле пом – яблоко.

– Дядя Эй, скажи, а Леля знает языки?

– Знает.

– Какие?

– Немецкий немножко, французский немножко и очень хорошо английский.

– А я русский язык знаю наизусть, – заявила Алла и пришпорила меня, давая понять, что я слишком долго застоялся на одном месте и пора двигаться в каком-нибудь направлении.

– Алла, слезь сейчас же! – возмутилась мама Рита. – Забралась на шею к дяде, так сиди смирно или слезай сейчас же.

– А если я хочу повертучиться? – спросила дочь из-под потолка.

– Что это еще такое?

– Не знаешь? Повертучиться – значит повертеться.

И она тут же продемонстрировала на примере значение нового слова, повертучилась так, что одна ее нога вместе с туфлей попала ко мне в верхний карман вельветовой куртки, а головой так поддала люстру, что все лампочки закачались и зазвенели. Пришлось нам срочно убегать от мамы Риты, тети Лели и бабы Вали в другую комнату.

– Подвези меня к окну, – попросила девочка, когда погоня осталась позади, – мы двухэтажный человек.

– Может, нам пора снова стать одноэтажными людьми?

– Я только посмотрю на улицу, что там происходит.

Она протерла ладошкой стекло верхней фрамуги, посмотрела на крыши домов: островерхие, плоские, крытые жестью, черепичные – всякие, и с неожиданной серьезностью спросила:

– В одном городе сколько квартир? Стоколичество?

За это прекрасное числительное, неизвестное ни одному словарю, я готов был оставаться двухэтажным человеком хоть до завтра.

Мне очень нравились все слова, которые она с такой легкостью изобретала на глазах у изумленной публики: обгорячилась, фиалофки, повертучиться, стоколичество.

Присмирела Алла и успокоилась только за чаем и то ненадолго.

– Ой, Леля, наши ноги встретились под столом и поздоровались.

Леля засмеялась, баба Валя засмеялась, даже Рита хмыкнула. Мы все друг друга облучали улыбками почти после каждой фразы, которую произносила наша девочка. Она была в нашей семье полезней зеленого лука и редиски, полезней самого главного витамина. Я заметил, что с тех пор, как она стала нас смешить и радовать своими словечками и выходками, никто из нас ни разу не заболел гриппом. Все соседи и знакомые переболели, а мы хоть бы что, как будто переселились на другую планету. Потом я нашел этому научное подтверждение. Один английский врач писал, что «когда у человека хорошее настроение, он не предрасположен к болезням».

С появлением Алочки в нашем доме я наконец понял, как самонадеянны взрослые люди. Везде только и слышишь от них: и дома, и в трамвае, и на работе, и на разных собраниях, – как они много делают для детей. И не замечают, как много для них делают дети. Для мамы Риты Аллочка на тетрадном листке к восьмому марта нарисовала такого головастого и длинного человечка с фиалофкой в руке, что ей до сих пор все завидуют. Для меня она специально вылепила из пластилина собаку зеленого цвета. Бабе Вале подарила свой любимый желудь с двумя сросшимися шляпками, бабе Нате – синее стеклышко, которое выменяла во дворе за две пуговицы. А тете Леле на день рождения принесла мох и торт. Моя жена потом две недели говорила, что ей никто никогда не дарил таких дорогих и редких подарков. Удивительно, как взрослые не замечают, что дети делают для них так много. Когда-нибудь я выступлю на самом большом собрании и скажу им прямо в глаза, что они неблагодарные. Я попробую втолковать зазнавшимся папам, мамам и бабушкам, что их

сыновья, дочери, внуки и внучки, обладая гораздо меньшими правами и возможностями, все-таки ухитряются довольно сносно воспитывать своих родителей. Только они это делают незаметно, не размахивая ремнем и не читая нотаций. Они их просто учат улыбаться, учат быть веселыми и добрыми.

Ухаживать за Аллочкой было одно удовольствие.

– Еще отрезать пирога?

– Бе-бе!

– Что такое бе-бе?

– Ну, значит, не нравится.

– Тогда, может быть, печенье или еще одну конфетку? «Красную шапочку» или «Тузика»?

– Ква-ква.

– Что такое ква-ква?

– Это значит, и то и другое И «Красную шапочку» и «Тузика».

Алла удивлялась, что такие простые вещи мне нужно объяснять... Но она была терпеливой учительницей, а я способным учеником. Я знал, что ей второй раз не придется мне переводить на русский язык «бе-бе» и «ква-ква». С ее помощью я быстро усваивал язык детства. Ведь я тоже когда-то на нем говорил. Но с возрастом стал забывать кое-какие важные интонации.

Тетя Леля насмеялась досыта, напилась чаю, покраснела от удовольствия и жары.

– Я сниму свитер, – сказала она.

Подняла руки к потолку, и все увидели, когда она стягивала через голову свитер, что у нее под мышками лопнула майка по шву и образовалась большая дыра. Мама Рита тактично промолчала, баба Валя промолчала, и я сделал вид, что ничего не заметил. Казалось, и у Алочки не осталось никаких сил для того, чтобы обращать внимание на всякие пустяки. Ее клонило в сон, она прислонила голову к маме, но, увидев дыру, тотчас очнулась и забила тревогу.

– Ой, Леля! – выкрикнула она. – Я тебе безрукавку подарю.

– Нужна мне твоя безрукавка, – смутилась Леля.

– Нет, ее зовут безрукавка, а она с рукавами. Я на день рождения тебе подарю. А может, даже ближе. А то у тебя очень костюм какой-то беспризорный.

Выполнив свой последний долг перед взрослыми людьми: указав им на дыру, которую никто из них не заметил и сама Леля не знала, девочка опять прислонилась к маме Рите, доверчиво зажмурилась и, помолчав минут пять, вдруг сказала полусонным, тихим голосом:

– Почему с нами не живет ни один дядя? У всех есть, а у нас нету.

Что могла ей ответить мама Рита? Что могли ей ответить все мы? Она спрашивала не про дядю Эй и не про какого-нибудь другого дядю с улицы. Она спрашивала про того, кто отказался от очередного человеческого звания. От звания отца. Слово «папа» она пока просто не знала.

Опыт взрослых

С каждым днем моя племянница задавала все больше и больше вопросов. И все чаще и чаще мои ответы ее ставили в тупик. Я забивал гвоздь, чтобы повесить картину, и стукнул заодно молотком по пауку.

– Дядя Эй, – крикнула Аллочка. – Зачем ты убил паука? Он же полезный.

– Нет, вредный, – возразил я.

– А Леля сказала – полезные. Ты больше учился, чем Леля?

– Одинаково.

– Значит, вы одинаково знаете?

Девочка была повергнута в недоумение. Учились одинаково, а знают по-разному. Один убивает пауков, а другой говорит, что они полезные.

– Понимаешь, – попытался вывернуться я, – есть вредные пауки, а есть полезные. Тот, которого я пристукнул, он вредный.

– А тетя Леля, кажется, говорила, что все полезные.

Я не знал, что ей отвечать, я и себе не мог бы толком объяснить, за что убил бедного паука. В детстве мне кто-то сказал, что за каждого убитого паука отпускается сорок грехов. И все сведения мои этим и ограничивались. Сколько я за тридцать три года уколошил пауков, пока мою руку не остановил наивный вопрос девочки? И зачем я это делал? У меня и грехов нужного количества не было, да и не верил я в отпущение грехов никаким способом. Но признаться в своем проступке у меня не хватило духу. Аллочка пожала плечами и отошла от меня с задумчиво наклоненной головой. Наверное, она впервые усомнилась в том, что взрослым безоговорочно можно доверять. «Ну и пусть, – решил я, – пусть как можно раньше узнает, что и взрослые – такие же люди, что их опыт не безупречен, а знания не безграничны».

Повесил я картину, сел в кресло полюбоваться своей работой. Алла забралась ко мне на колени. Но вид лесного пейзажа в раме ей скоро наскучил, она взгромоздилась на подлокотник кресла и выглянула в окно. Внизу, прямо под нами, находились складские помещения магазина.

– Ой, бутылок сколько! – воскликнула Алла, – посмотри.

Я посмотрел. Бутылок действительно было много. Их сгружали с машины, большие – с вермутом и маленькие – с фруктовыми напитками.

– Я здесь и раньше смотрела, – сказала девочка. – И видела много, много, еще больше бутылок. Только я не знаю, какие вино, а какие сидро. Я же читать не умею.

– Ну, это просто, – со свойственной всем взрослым самонадеянностью заявил я. – Большие бутылки с вином, а маленькие – сидро.

– А пиво? – возразила моя племянница. – Пиво же тоже маленькие бутылки.

Баба Валя и Леля за обедом любили выпить по стаканчику пива, и это явилось для Аллы тем опытом, который помог ей внести поправку в мои рассуждения о бутылках. Если бы она поверила мне и стала определять содержимое бутылок по их форме, то очень скоро налила бы себе вместо сладкой воды горького пива или еще чего-нибудь похуже. Я стал все чаще ловить себя на том, что на многие «почему» своей племянницы с самоуверенным видом сообщаю сомнительные сведения. Я был неточен в разговоре о пауках по незнанию, я был неточен в разговоре о бутылках по небрежности. Я понял, что мой опыт взрослого человека недостаточен для того, чтобы посматривать на маленькую девочку свысока. Не она от меня узнала, что пауки полезные, а я от нее, не я ей рассказал, а она мне напомнила о том, что по форме сосуда нельзя судить о его содержимом. Конечно, она все это узнала от нас же и улыбается она нашей улыбкой, и все же взрослому человеку не стоит задирать нос перед маленькой девочкой, если он к тому же за свою жизнь не прочел ни одной книги про пауков.

Я отправился в библиотеку, сидел там как прикованный часа три или четыре, знакомясь с тарантулами и крестовиками. На обратном пути я не удержался от искушения заехать на Никитинскую и блеснуть только что приобретенными знаниями. Но я не успел даже рта раскрыть.

– Дядя Эй, смотри, как я штаны снимаю, – крикнула мне Аллочка.

Я, не раздеваясь, выглянул из прихожей в комнату. Около большого кресла стояла мама Рита, а в кресле, запрокинувшись в акробатической позе на спину, лежала моя племянница и, двигая

ногами в воздухе, каким-то ей одной известным способом довольно ловко и быстро сдернула штаны.

– Прямо цирк, – похвалил я.

Но она мою похвалу пропустила мимо ушей.

– Слышал, как стреляет?

– Что стреляет?

– Не знаешь? Током стреляет. Я когда гребешком причесываюсь – стреляет и когда снимаю штаны – стреляет. Мам, почему без проводов стреляет?

– Потому что синтетика.

– А что такое синтетика?

– Надевай скорее рубашку, не стой раздетая. Сколько я с тобой буду возиться, – рассердилась мама Рита.

– А я хочу чаю, – захныкала девочка. – Я хочу чаю.

– Готовлю, готовлю я тебе чай, – отозвалась с кухни баба Валя.

– Избаловала тебя твоя бабушка, – недовольно заметила мама Рита. – Никто на ночь глядя чай не пьет. – Она укутала дочь пледом и посадила в кресле, как куклу. – Сиди жди.

Алла сразу перестала хныкать и улыбнулась мне, довольная, что ей удалось отвоевать еще несколько минут бодрствования.

– Почему синтетика, дядя Эй? – спросила она, возвращаясь к прерванному разговору об электричестве.

– Что почему?

– Мама говорит «синтетика», а ты что говоришь?

– Я молчу.

– Почему молчишь?

– Потому что с тобой невозможно разговаривать простому советскому человеку. Каждый твой вопрос требует специальных знаний. Чтобы ответить, почему в твоих штанах стреляет электричество, я должен завтра пойти в библиотеку и заглянуть в учебник физики. А в раздевалке – очередь. И в читальном зале не сразу свободное место найдешь. Что прикажешь делать? Я же не энциклопедия. И мама твоя не энциклопедия.

– А Леся?

– И Леся тоже не энциклопедия.

– Ладно, не ходи, – пожалела меня Алла. – Я завтра у Дениски спрошу. Он все, все знает, даже про динозавров.

– Что еще за Дениска?

– В садике у них появился мальчик, – сказала мама Рита. – Мы теперь только и слышим по каждому поводу: Дениска, Дениска.

– Да, мама, он все, все знает. У него папа – пожарник.

Появилась наконец из кухни баба Валя с чаем. Она отлила из стакана в блюдечко и поднесла к губам внучки.

– Попробуй, горячо?

– Нет.

Отпила несколько глотков и развела удивленно руками, приглашая всех нас полюбоваться на блюдечко с чаем в руках бабы Вали:

– Не горячо, а пар идет.

Мир продолжал удивлять нашу девочку, и я подумал, что только изучением жизни пауков не отделаюсь. Придется, видно, заняться и паром, и электричеством.

Дениска

Итак, у всех нас, взрослых людей, отвечающих на Аллочкины «почему», появился соперник – Дениска. Очень скоро он приобрел просто угрожающее влияние на нашу девочку. Я забежал вечером передать бабе Вале палочку дрожжей, которую ей послала баба Ната. Приближался праздник 7 Ноября, и на Никитинской к этому дню собирались испечь пирог с яблоками. Баба Валя улыбнулась и сказала:

– Вот спасибо.

Мама Рита тоже улыбнулась, но потом все же сказала:

– Стоило из-за этого приезжать из Березовой рощи.

Аллочка не улыбнулась и ничего не сказала. Она зажмурила один глаз, другой раскрыла так широко, что он стал бессмысленно пялиться на меня, перекосила рот, собрала складками нос.

– Что такое? Что такое? – ужаснулся я.

– Спроси, спроси у нее, – грустно попросила мама Рита. – Я не могу смотреть на такое безобразие. Я устала с ней бороться.

– По-моему, ты неправильно себя ведешь, барышня, – начал я по просьбе своей сестры отчитывать девочку. – Вместо того, чтобы сказать что-то веселое, приятное, ты мне показываешь бог весть что.

– Это ты себя неправильно ведешь, – крикнула она, закрыв второй глаз, и широко и бессмысленно раскрыла первый. – Ты должен сказать: «Хорошая рожа».

– Ужасная рожа.

– Нет, ты должен сказать: «Хорошая рожа». А я скажу: «На кого похожа?» А тогда ты скажешь: ужасная или не ужасная. А так не по правилам.

– Алла, прекрати сейчас же, – потребовала мама Рита.

– Нет, подожди, – остановил я ее. – Кто же научил тебя этим правилам?

– Не скажу.

– Разве это секрет?

– Секрет – не секрет, а не скажу. Дениска – вот кто.

Разговаривая со мной, она показывала одну рожу за другой. И при этом искоса поглядывала в трюмо, рядом с которым я стоял,

контролировала себя.

– Восемь, – сказал я.

– Что восемь? – не поняла баба Валя.

– Твоя внучка мне показала восемь различных рож

– А Дениска, знаешь, сколько может показать? Двадцать пять – вот сколько. Такие смешняцкие рожи – обхохочешься.

– Прямо не знаю, как ей запретить кривляться. Мы с бабой Валею просто бессильны перед этим бедствием.

– Нет, мамочка дорогая, нечего запрещать, Луфинесу можно, а нам нельзя? Да?

– Кому-кому можно? – не поверил я своим ушам.

– Фантомас разбушевался – вот кому. Понятно?

– Луи де Фюнесу, ты хотела сказать. Ты разве смотрела «Фантомаса»?

– Дениска смотрел.

– Вот и поговори с ней после этого, – покачала мама Рита головой. – У них там эпидемия. С появлением Дениски все друг другу показывают рожи.

– И ты показываешь, – сказала девочка. – Ты сама показываешь, – и передразнила: – Бе-бе-бе.

– А ну-ка!

Мама Рита схватила дочь за руку и потащила в другую комнату.

– Все равно буду показывать, все равно, – раздалось из угла.

Моя сестра вернулась сердитая, на лбу у нее собралось столько морщин, что баба Валя не выдержала и сказала:

– А между прочим, Алка правильно подметила. Посмотри на себя в зеркало. Ходишь нахмуренная, как будто тебе все здесь враги. От твоего взгляда молоко скисает в ту же минуту, как только ты его покупаешь.

Лицо мамы Риты сделалось еще более неприятным, высокомерно отчужденным.

– Молоко скисло, потому что бидончик надо мыть горячей водой, а не споласкивать под краном кое-как, – сухо ответила она.

Авторитет Дениски рос не по дням, а по часам. Даже тетя Леля не могла его ниспровергнуть или хотя бы поколебать. Сели мы в кружок петь песни. Я пою правильно, баба Ната поет правильно, тетя Леля

поет правильно, а наша девочка вопреки всякой логике заменяет одни слова другими, и получается у нее:

– Долго в степях нас держали, долго нас голод молил.

– Подожди, подожди, – остановила Леля, – не в степях, а в цепях, и не молил голод, а морил.

Но Аллочка покачала головой и заявила:

– А Дениска так поет. И я буду так петь. Только так.

– Но это же неправильно. Спроси у кого хочешь.

– А Дениска так поет.

– Я твоего Дениску с перчиком съем, если он не научится правильно петь хорошие песни.

– А он разве виноват? – пожала плечами девочка. – Он так поет, и я так хочу петь.

Но это было еще полбеды, вскоре Дениска научил мою племянницу петь частушки: «Эх, яблочко, да на тарелочке, два матроса подрались из-за девочки».

Имя Дениски в доме упоминалось так часто, что мы с Лелей просто изнемогали от желания увидеть его хотя бы одним глазком. Утренник в честь 7 Ноября мы пропустили. Я срочно улетал в Москву по своим издательским делам, а Леля меня провожала. Зато на новогодний утренник мы пришли самыми первыми и привели с собой фотографа со вспышкой. Родителей было много, воспитатели расставили их по одному вдоль стен, только фотографу разрешили разгуливать, где захочется. Нам с Лелей досталось место в самой середине родительской цепочки.

– Объявляем представление, – объявила директриса. – Снег идет.

Она хлопнула в ладоши, и пошел снег, вернее, не пошел, а выбежал из дверей. Родители зашевелились, заволновались. Одна мама не выдержала и крикнула:

– Ирочка, я здесь.

Я тоже успел негромко сказать нашей девочке, когда она пролетала мимо:

– Ква-ква.

Но она даже не посмотрела в мою сторону, пронеслась холодно, как настоящая снежинка. На ней было марлевое белое платье, высокие белые гольфы, белые тапочки и большой белый бант. И в руках она

держала две большие вырезанные из картона снежинки. Размахивая ими, Алла вместе с другими девочками изображала метель.

Родители заплодировали. Воспользовавшись этим шумом, Леля крикнула:

– Аллочка, когда будешь танцевать в том углу, посмотри на дядю фотографа со вспышкой.

В конце своего номера девочки взяли за руки и образовали хоровод вокруг елки. И тут из-под их рук стали выныривать в середину круга мальчишки в заячьих комбинезонах с хвостиками и длинными ушами. Когда все зайцы оказались в середине, снежинки разомкнули руки и отступили назад.

Мы с Лелей знали, что Дениска находится среди зайцев, и думали, что сразу по одному виду узнаем его, но не тут-то было. Леля, не теряя времени, подобралась к тому месту, где стояла Аллочка, и, наклонившись, тихо спросила:

– А где тут Дениска? Покажи.

– Они все одинаковые, – потупив глаза, ответила девочка.

– Ты покажи мне кивком, я пойму.

– Они все одинаковые.

Мальчишки, одетые зайцами, действительно казались все одинаковыми. Но нам очень хотелось найти среди них Дениску. В десяти шагах от меня стояла знакомая девочка с нашего двора. Я пробрался к ней и спросил:

– Лариса, где тут у вас Дениска?

В это время зайцы закончили танец и побежали мимо нас. Девочка радостно показала рукой.

– Вот он, вот он!

Она держала руку вытянутой, пока ей не удалось ткнуть в комбинезон толстого розовощекого мальчишки.

– Лариса-крыса, – оттолкнув ее руку, мимоходом сказал Дениска.

Зайцы убежали. Вместе с ними убежал и Аллочкин приятель. Глядя ему вслед, Лариса обиженно проговорила:

– Он сырую лапшу ест. Ворует на кухне и ест. Он самый первый всегда ворует и ест. И вашей Алле сырую лапшу дает. Она тоже ест.

– А ты, значит, не ешь?

– Я ничего сырого не ем, никогда, – гордо ответила девочка. – Я даже сырую воду не пью. Мне мама не велит.

В раздевалке я увидел Дениску еще раз. Он сидел на большом стуле, вытянув вперед ноги, а его толстая бабушка стояла перед ним на коленях, надевала ему боты. Потом она достала из сумки женские чулки в рубчик и принялась натягивать их поверх бот.

– Что это вы делаете? – не удержался я от вопроса.

– На улице скользко, а в чулках ему будет безопасно идти. Я так всегда делаю.

Она подвязала чулки, и пошел Дениска из дверей детского сада на улицу в чулках.

Вслед за Дениской вышли и мы. Алла видела, что я разговаривал с Ларисой и с бабушкой ее приятеля, и настороженно ждала, что я скажу. Я подхватил ее, в шубе и в валенках, на руки и молча понес по людному проспекту, желая этим жестом показать, что ничего страшного я от болтливой Ларисы не узнал. Только шагов через двадцать или тридцать, когда Леля отстала попрощаться с бабушкой Дениски, я спросил:

– Ну, как тебе понравился утренник?

– Ква-ква, – ответила она.

– Видели мы наконец твоего Дениску.

– Правда, он смешной? – доверчиво заглядывая в глаза, спросила девочка.

– Ква-ква, – ответил я. – Особенно когда в одних чулках идет по городу.

– Чулки мне как раз не нравятся, – осуждающе заметила она и вдруг спохватилась: – Ой, чего ты меня несешь на руках. Опустит.

Я опустил ее на тротуар, мы подождали Лелю и пошли дальше втроем, крепко держась за руки.

Андрейка

Вскоре выяснилось, что не один Дениска занимает воображение нашей девочки. Как-то, придя в гости на Никитинскую, я застал в доме незнакомого мальчика, который тотчас встал с кресла и предложил:

– Садитесь, пожалуйста.

– Спасибо, – растерялся я. – Ты кто ж такой?

Но тут из другой комнаты выбежала Алла и все объяснила:

– Это Андрюша. Он хороший, – и, повернувшись к нему, представила: – Не бойся, это дядя Эй. Андрюша, садись, садись.

Она энергично затолкала его назад в кресло, положила ему на колени игрушки, которые принесла, и устремила за новыми.

– Ах ты, маленькая хозяйка большого дома, – поймал я ее, поднял высоко в воздух и осторожно посадил на сервант. Зазвенела на полках посуда, качнулась фигурка фарфоровой балерины, выглянула из кухни баба Валя и покачала головой.

– Не бойся, – объяснила девочка Андрюше. – Он меня всегда сюда сажает. Он и тебя может посадить. Хочешь?

– Еще чего, – сказала баба Валя, – гости должны сидеть на стульях и креслах.

Я снял Аллочку с серванта и зашел к бабе Вале на кухню.

– Что это за мальчик?

– Наш новый сосед. В первый класс ходит. Родители очень симпатичные люди. Он – врач, она – учительница. Стародубцевы с четвертого этажа поменяли квартиру, и они въехали на их жилплощадь. Мальчик, по-моему, очень хороший. Он ходит к нашей барышне, кораблики из бумаги ей делает, куколок рисует.

Новый сосед мне тоже понравился. Взгляд у него был спокойный, глубокий, чубчик-хохолок светлый и мягкий. Он его по-взрослому приглаживал назад и поглядывал с добрым снисхождением на Аллу, заваливающую его в кресле все новыми и новыми игрушками.

– Не надо, хватит, пожалуйста.

– Что ты! У меня еще есть. Сейчас еще Кнопку принесу. Дядя Эй, ты не уходи, сейчас в кукольное представление будем играть. Кнопка

будет сыщиком, а заяц и Катя будут за Кнопкой бегать и кричать: «Ищи! Ищи!»

Она пересказывала мне на бегу сюжет представления, которое мы несколько дней назад разыгрывали у нас в Березовой роще. Сегодня у меня не было настроения участвовать в кукольном спектакле.

– Я пойду, Аллочка. Вы уж как-нибудь сами с Андрюшей. Андрюша пусть зайца водит, а ты Кнопку.

– Нет, что ты! Я же не умею гавкать, как ты.

– Помнится, ты говорила прошлый раз, что лучше всех гавкает Леля.

– Но Лели же нет.

Польщенный высокой оценкой, данной моему лаю, я согласился принять участие в представлении. Я только немного смущался Андрюши. Когда я слишком увлекался и начинал гавкать лучше Лели и лучше Квадрата, мальчик испуганно и, как мне казалось, чуточку осуждающе поглядывал на меня. Наверное, он был слишком взрослым для настоящей детской игры. Но я не мог этого сказать Аллочке, я видел, что Андрюша ей очень нравится.

Спустилась с четвертого этажа мама Андрюши и позвала его обедать. Я тоже стал прощаться.

– Дядя Эй, а ты что-то забыл, – сказала мне Алла.

– Перчатки? – полез я в карманы шубы.

– Нет, ты забыл меня посадить на прощание на сервант.

– Давай посажу, – двинулся я к ней.

– Не надо, – смущенно отступила в глубь комнаты шутница. – Бабушка меня не снимет. Завтра придешь, тогда еще посадишь.

– Выдумали какую игру, – пробурчала баба Валя, закуривая свою неизменную папиросу. – Я вам и завтра, и послезавтра, и всегда запрещаю подходить к серванту.

– А мы тебе запрещаем курить, баба Валя, вот, – наклонила голову внучка и выразительно подыграла глазами.

– Ага! – поддержал я Аллочку. – Бросай курить. Не порть свое здоровье.

– А, ну вас.

Она смущенно отмахнулась и спряталась на кухне в клубах папиросного дыма. Она никому не хотела признаваться, но ей было приятно, когда внучка, заботясь о ее здоровье, прятала бабушкины

папиросы или говорила вот так проникновенно, что запрещает ей курить. Вся ее суровость не могла помочь в такие минуты, и на глаза навертывались слезы, которые она и прятала в клубах папиросного дыма на кухне. Аллочка об этом не догадывалась, а то бы она гораздо чаще высказывала свою заботу о большом взрослом человеке, заглубившем снаружи, но с очень нежным сердцем в груди.

Андрюша ушел, я ушел, и остались бабушка и внучка вдвоем. Одна принялась собирать игрушки, другая, стараясь снова напустить на себя суровость, сказала:

– Черт возьми, я опять забыла передать Лелину сетку. Мы с тобой у них перетаскали все сетки. Им не с чем теперь ходить на базар.

– Черт что? – спросила Алла. – Что это такое?

– Человек с рожками и хвостом. Придуманный человек, которого на самом деле нет.

– Как баба Яга?

– Да.

– А черт какой-нибудь родственник бабе Яге или нет? Они муж и жена?

– Это уж точно, – согласилась баба Валя. – Из них вышла бы хорошая парочка. Муж и жена – одна сатана. Это прямо про них сказано.

Аллочка внимательно выслушала бабу Валю, потом прижалась к ней и сказала, глядя снизу вверх:

– Баба Валя, ты такая же, как баба Яга. Только хорошая.

Ну как тут было не закурить после столь неожиданного комплимента, сказанного задушевым, признательным голосом.

Высказав мимоходом свою любовь бабушке, Алла вернулась к проблеме мужа и жены, к проблеме отношений между двумя людьми. Ведь у нее тоже был небольшой опыт. Еще вчера она ела с Дениской сырую лапшу, а сегодня так интересно было играть с Андрюшей. Он умеет рисовать замечательных куколок, и лучше его никто не умеет делать кораблики из бумаги.

– Баба Валя, а дядя Эй и тетя Леля какая парочка?

– Хорошая парочка. А вернее, они никакая не парочка, а просто муж и жена.

– А почему они муж и жена?

– Потому что жить друг без друга не могут.

Алла задумалась, очевидно спрашивая мысленно себя, без кого она жить не может – без Дениски или без Андрюши. Однозначного ответа у нее не получалось, и она, вздохнув, спросила:

– А дядя Эй меня больше любит, чем жену свою Лелю?

– Откуда ты взяла?

– Он ее никогда на сервант не сажает, а меня сажает.

Об этом разговоре нам стало известно на следующий день, когда мы зашли, чтобы забрать с собой Аллочку на лыжную прогулку. Обычно мы катались в Березовой роще, но сегодня отправлялись совсем в другую сторону. Леле хотелось посмотреть, занесло наш дачный домик около Шиловского леса снегом или нет. И еще она хотела рассыпать в домике мяту от мышей.

– Ура! – закричала девочка и помчалась в свою комнату надевать теплые колготки. Тут баба Валя и поведала нам вполголоса о вчерашней беседе с внучкой.

– Ах, так! – шутливо обиделась Леля.

– Нет, не так, – сказал я.

И она опомниться не успела, как я ее подхватил на руки и понес к серванту.

– Отпусти сейчас же, – крикнула мне жена. – Надорвешься. Что ты делаешь? Ты же надорвешься. Тебе нельзя поднимать такие тяжести.

Краем глаза я успел увидеть, как Аллочка выскочила из двери комнаты и, прыгая в одной штанине, восторженно наблюдала за моими действиями. Леля была очень тяжелой. Я ее поднимал, как тяжелоатлеты поднимают штангу – сначала на грудь, потом рывком посадил ее на одно плечо и уже оттуда сдвинул на сервант. В последний момент ей показалось, что она падает у меня с плеча, и Леля совсем по-девчоночьи взвизгнула. Сервант под моей женой зашатался, и раздался такой посудный звон, что баба Валя прибежала и инстинктивно ухватилась за угол, пытаясь предотвратить катастрофу. Но ничего страшного не произошло. Фигурку балерины я успел поймать, а кофейные чашки и бокалы даже не сдвинулись с места.

– Сумасшедший, сними меня отсюда, – смешно растопырив руки, попросила жена. Она боялась пошевелиться на шатком троне.

– Леля, сиди, не бойся, – крикнула Аллочка, счастливо сверкая глазами. – Я там двадцать пять раз сидела.

Эта цифра не означала у нее точное количество. Аллочка ее употребляла вместо слова «много».

– Сними меня сейчас же отсюда, – сердито потребовала Леля, но глаза выдавали радость. Она была очень довольна, что я посадил ее на сервант и тем самым доказал, что люблю ее так же сильно, как свою племянницу. Мы с Аллочкой откровенно любовались счастливой тетей Лелей. На ней был вязаный берет табачного цвета, лихо заломленный на одно ухо, свитер в красную, синюю и белую полоску и табачного цвета брюки. И от лыжных ботинок так приятно пахло сырой кожей и ваксой.

– Ну, кто-нибудь меня снимет отсюда, наконец, – сказала она, беспомощно протягивая руки вперед.

– Леля, я сейчас принесу табуретку, – ринулась Аллочка на кухню, путаясь в свободно болтающейся штанине, которую она поддерживала обеими руками.

– Я сниму, сниму, – сказал я.

– Минуточку, минуточку, подождите, – подняла вверх руку баба Валя.

Она подошла к серванту, отодвинула под ботинками Лели стекло и один за другим вынула все бокалы, чашки и фарфоровые статуэтки. Она оставила в серванте только тарелки.

– Теперь можете снимать свою тетю Лелю.

Она делала вид, что очень сердится. Но мы все видели, что бабушке наша игра нравится. Ей тоже было приятно посмотреть на счастливую тетю Лелю. Аллочка была права. Если один человек любит другого, он должен обязательно его хоть изредка сажать на сервант.

Мои решительные действия, видимо, снова вернули девочку к размышлениям об отношениях между двумя людьми. Скользя на коротеньких лыжах рядом с Лелей, она после долгого молчания вдруг спросила:

– Леля, скажи, дядя Эй тебя нашел или ты его нашла?

– Да как тебе сказать... Оба нашли. Ты вот подрастешь, и тебя кто-нибудь найдет. Или ты кого-нибудь найдешь.

– Я знаю, кого найду, – последовал уверенный ответ.

– Кого же?

– Андрюшу.

– Это новый мальчик, который к вам недавно переехал жить?

– Не к нам, а на четвертый этаж. У нас же и так тесно. Ты, что ли, забыла, как споткнулась о санки в коридоре?

– Ну, да, – согласилась Леля, – я понимаю. А чем же он хорош, этот мальчик?

– Да всем.

– Но все-таки, что тебе в нем нравится?

– Он умеет делать из бумаги кораблики.

Леля спрашивала серьезно, и Аллочка ей очень серьезно отвечала. Она сделала свой выбор и могла его обосновать.

– А как же Дениска? Ведь он умеет строить такие потрясающие рожи.

– Дениска тоже хороший, – вздохнула девочка. – Только бабушка ему надевает чулки на боты, и он ходит босиком по улице, и все смеются. Вид у него в чулках какой-то коротенький. Мне это не нравится. – Она еще раз вздохнула и повторила: – Дениска тоже хороший.

– Но Андрей тебе больше нравится?

– Да.

– А почему? Ты мне можешь объяснить подробно, почему?

– Да потому, что мы в одном доме живем.

Вдали показался наш дачный домик, засыпанный по самые окна снегом. На рябинах у ворот сохранилось несколько гроздей с ягодами, и синицы их весело трепали. А сзади, когда мы оборачивались, видели далеко на шоссе поблескивающую на солнце голубую «Волгу». Шофер такси ждал, когда мы посмотрим домик, разбросаем мяту и вернемся назад.

Голубой бант

Давно известно, что сапожник и в свободное от работы время говорит о сапогах, шофер – об автомобилях, стекольщик – о стеклах и алмазах. А я решил в свободное от работы время взять у своей племянницы интервью. Приступая к делу, я был подчеркнуто официален и вежлив, словно разговаривал с каким-нибудь премьер-министром или королевой Англии. Я сказал:

– Уважаемая Алла Владиславовна, не дадите ли вы мне интервью?

– Что это такое – интервью?

– Я тебе задам ряд вопросов, а ты мне на них ответишь. Хорошо?

– Да.

– Кем вы хотите, многоуважаемая Алла Владиславовна, стать, когда вырастете? Не хотите ли вы стать, например, врачом? •

– А вы не хотите? – подстраиваясь под мой тон, спросила она и добавила: – Я хочу быть сутулой, как ты. А ты каким? Ты каким хочешь быть? Прямым или сутулым?

Дениска умел строить рожи, и с ним было удивительно вкусно есть сырую лапшу. Андрей умел делать кораблики из бумаги. А я, выходит, был прекрасно сутулым, настолько прекрасным, что моя племянница решила мне подражать в этом. Теперь я понял наконец, что во мне нашла Леля.

Интервью не состоялось, но зато Аллочка открыла мне глаза на меня самого. Наша дружба с ней, несмотря на соперников Дениску и Андрюшу, становилась все крепче. Мы нравились друг другу и по воскресеньям просто не могли не встречаться. Если я не приезжал на Никитинскую, то девочка стремилась во что бы то ни стало побывать у нас в Березовой роще. Она капризничала, хныкала, но добивалась своего.

– Аллочка, – сказала однажды баба Валя. – Ну, чего мы к ним поедим? У них денег нет. У них нечего есть.

Но угроза голода ее не испугала.

– И не надо. Мы посидим просто так, чайку попьем, поговорим, а там, что дадут на тарелочке, то и съедим.

– Да на тарелочке же ничего нет, – засмеялась баба Валя. – Ну, что с тобой делать, собирайся, если ты не можешь жить без своей тети Лели и без своего дяди.

– Ура! Мама, мы уезжаем. Баба Валя, бант возьми. Меня дядя Эй любит, когда я с бантом.

– Какой сегодня возьмем?

– Голубой, только голубой.

Наивное желание нравиться распирало девочку. Едва открыв дверь в прихожую, она крикнула мне и Леле:

– Мы бантик взяли.

– Зачем же вы его взяли

– Для вас.

Баба Валя в прихожей перед зеркалом завязала бант на макушке у внучки и, расправив сдвоенные голубые крылышки ленты, сказала.

– Катись.

Но Аллочка не покатилась, а полетела, растопырив руки.

– Мы – бабочка, – сказала она.

Так было в прошлое воскресенье и в позапрошрое... Ждали мы бабочку и в этот солнечный апрельский день. Леля приготовила луковый суп по-французски, баба Ната напекла ватрушек с изюмом. Я причесал Квадрата. Мы ждали, как всегда, нашу маленькую гостью и не знали, что в это время на Никитинской мама Рита вдруг сказала:

– Нет, возьмите другой бант. Этот всем надоел. Вот розовый. Он красивее.

– Что ты – крикнула девочка. – Дядя Эй любит голубой.

– Голубую ленту стирать надо. Она грязная.

– Чистая, чистая. Ты забыла разве: дядя Эй любит меня в голубом банте. Дай сюда.

– Это что еще за прыжки?

– Бабуля Валя, скажи ей.

– Не бабуля Валя, а слушай, что тебе говорит мама. Розовый бант красивее.

Она подняла голубой бант, чтобы Алла не дотянулась, и положила на сервант.

– Все равно возьму, все равно достану.

Девочка поволокла к серванту стул. Тогда, чтобы прекратить разговоры на эту тему, мама Рита прошла в ванную комнату и опустила

ленту в таз с водой, где лежало намоченное для стирки белье.

– Что ты наделала? – ужаснулась Алла и, опустившись на пол в дверях ванной комнаты, заревела.

– Прекрати сейчас же реветь. Я сказала, розовый бант красивее, значит, должна верить. А если не прекратишь реветь, никуда не пойдешь. Имей это в виду.

– Я все равно пойду, – крикнула ей дочь, размазывая по щекам горькие слезы. – Я в форточку, как шарик, вылечу и улечу в Березовую рощу. И никогда, никогда не прилечу обратно.

– Вот спасибо, – ровным голосом поблагодарила мама Рита, – твоя мама бедная о тебе заботится, а ты собираешься ее покинуть

– Ты не бедная, ты – вредная.

– Ах, так! Раздевайся, никуда не пойдешь.

Алла поняла, что мама и правда ее теперь не пустит в Березовую рощу, и заревела во весь голос.

– Вредная, вредная!

Мама Рита подняла ее с кафельного пола за руку и, шлепнув два раза, приказала:

– Прекрати!

– А мне не больно, не больно. Вредная, вредная!

Но ей было очень больно, оттого что любимый бант лежал в тазу с водой, оттого что сорвалась поездка в Березовую рощу, и слезы лились из глаз ручьями.

– Будешь стоять в углу, пока не попросишь прощения.

– Не попрошу, не попрошу, не надейся. Никогда не попрошу.

– Значит, никогда больше не поедешь в Березовую рощу.

Баба Валя не хотела вмешиваться. Она курила, давилась дымом, сердито кашляла, но в конце концов не выдержала:

– Нет, я лучше пойду посмотреть телевизор к соседям. – И так хлопнула дверь, что мама Рита вздрогнула. Но Алла не услышала стука двери. Ее отчаяние было очень велико. Взрослые часто ошибаются, думая, что у маленьких детей и горести маленькие. Они никак не хотят понять, что человек всегда человек – и в пять лет и в семьдесят и что отчаяние никогда не бывает маленьким. По телевидению показывали веселые мультфильмы, но баба Валя не могла смеяться. Она попросила разрешения позвонить по телефону и

рассказала нам с Лелей, что происходит на Никитинской. Жить сразу стало неинтересно. Баба Ната сказала:

– Зря я пекла ватрушки.

Тетя Леся сказала:

– Зря я варила луковый суп по-французски. И зря натерла столько сыру для гренок.

Я ничего не сказал, я решил действовать. Мне удалось около дома поймать такси, и я попросил шофера:

– Пожалуйста, поскорее, как на пожар. Никитинская, двадцать один.

Баба Валя все еще была у соседей. Рита молча открыла мне дверь и скрылась в ванной комнате. Она меняла воду для цветов.

Я поднимался по лестнице бегом и никак не мог отдышаться.

– Чего ты стоишь? – спросила Рита, возвращаясь и ставя вазу с цветами на стол. – Садись.

– А где Алка?

– Стоит в своей комнате в углу.

Дверь в комнату была плотно притворена. Рита проследила за моим взглядом и усмехнулась. Она понимала, зачем я приехал, но продолжала делать вид, что не понимает. Потрогала цветы в вазе, заметила:

– Представляешь, такой букет, столько цветов, и всего за рубль.

– У тебя есть один самый прекрасный цветок на свете, но ты его опять зачем-то поставила в угол.

– Этот цветок с шипами.

– А ты что хотела? Чтобы он был без шипов? Роза – самый красивый цветок на свете, и именно поэтому она с шипами, с колючками. Это пора знать.

– Ты чего прибежал? Отдышаться никак не можешь, – рассердилась мама Рита. – Я воспитываю свою дочь и прошу мне не мешать. А с сердобольной бабой Валею я еще поговорю, чтобы она не вызывала «скорую помощь» по телефону.

– Я не «скорая помощь», я писатель, сочиняющий детские книжки, и как человек, имеющий некоторое отношение к эстетике, хочу тебе объяснить, что нельзя приказать розовому банту быть красивее голубого. Надо убедить человека, доказать ему эстетический идеал, а если не сумела, то пусть будет тот бант, какой она хочет. Я

предлагаю урегулировать конфликт мирным путем и поехать к нам есть луковый суп.

– Вот что... Я давно собираюсь сказать вам с Лелей. Алка вам не игрушка. Вы поигрались с ней в воскресенье – и до свидания. А мне с нею жить всю неделю, всю жизнь. Мне человека из нее делать.

– Я не играюсь с Алкой, я дружу.

– Ты дружишь, ты – хороший, а маму она называет вредной. И не хочет извиниться.

– А ты и есть вредная.

– Прекрасно. Дядя докатился до уморазумения маленькой девочки. Так знайте, дорогие мои. И она пусть знает и ты знай, что я запрещаю вам встречаться до тех пор, пока она не извинится. До тех пор ни в какую Березовую рощу она не поедет.

– Ну и глупо, глупо! – разозлился я.

– Я сказала – так и будет.

– Ну, хорошо, извини меня. И за нее я тоже могу извиниться. Это я виноват в том, что мне нравится голубой бант. А она всего лишь хотела сделать мне приятное.

– Знаешь что, дорогой братец? Вот твой берет, плащ. Я сказала – так и будет.

Я посмотрел на плотно закрытую дверь, за которой, как в камере-одиночке, томилась наказанная мамой девочка, и резко поднялся. Я не знал, слышала ли она наш разговор. Я бы хотел, чтобы слышала. Ничего не сказав больше Рите, я взял плащ и берет и, не одеваясь, вышел на лестничную клетку, удрученно сутулый.

Прямая и обратная связь

Мама Рита выполнила свою угрозу. Она устроила нам обещанную разлуку. Я загрустил и даже стал сочинять грустные стихи про Аллочку и про себя.

Живет на свете девочка,
Тонка, как хвост петрушки.
Голубенькая ленточка
На золотой макушке.
Голубенькая бабочка,
Спугнуть ее не смей.
Ее поймала бабушка
Ладонкою своей,
Ее поймал и дядя Эй.
Но мама не сумела
Поймать крылатый бант,
И бабочка слетела
С макушки на сервант
При синем банте Аллочка
Была, а стала без.
И улетела бабочка
В далекий синий лес.
Но где тот лес, неясно,
Ведь он стоит молчком.
И я теперь напрасно
Хожу везде с сачком.

Я никогда не думал, что буду так скучать. Мне было очень грустно еще и потому, что я сам решил больше не появляться на Никитинской. Сестра всунула мне в руки берет и выставила за дверь. И я после этого пойду?

— Ни за что.

— И не ходи, — сказала Леля.

И она тоже перестала бывать на Никитинской. Раза два к нам в Березовую рощу приезжала баба Валя, курила, качала головой и тяжело вздыхала.

И вдруг открылась дверь, и появилась Аллочка с голубым бантом на макушке. А следом за ней баба Валя и мама Рита. Моя сестра шла последней. Она была немножко смущена.

– Принимайте гостей. Мы приехали, потому что очень по вас соскучились, – сказала мама Рита.

Я никак не ожидал такого сюрприза. Но в следующую минуту мне уже казалось, что я всегда знал, что у меня хорошая сестра, только тугодумка. Если Леле, чтобы исправить свою ошибку, надо всего пять минут, то ей потребовался целый месяц.

Девочка с голубым бантом на макушке выбежала на середину комнаты и радостно крикнула:

– Леля! Дядя Эй, я пришла!

Квадрат подскочил к Аллочке первый. Он запрыгал вокруг нее, повизгивая

– Здравствуйте, хорошие люди! – протянул я обе руки навстречу госте.

Не прошло и двух секунд, как она оказалась у меня на плечах, и мы образовали двухэтажного человека. Баба Ната выбежала из кухни, заволновалась:

– Ох, ох! – сказала она. – У меня сегодня обед обыкновенный. Борщ и голубцы. Аллочка, хочешь пирожок с рисом?

– Хотим, – крикнула Аллочка, – только мы – двухэтажный человек. У нас две головы, и нам нужно два пирожка.

– И четыре руки, – подхватил я. – Только вот не пойму, почему две руки обуты в ботинки.

– Это такие ботиночные перчатки. Баба Валя, посмотри, какие у нас на руках перчатки.

Баба Валя, баба Ната, тетя Леля и мама Рита улыбались, глядя на нас. Наверное, это была красивая картина – два встретившихся после долгой разлуки человека, которые стали одним человеком с двумя головами и четырьмя руками.

Сели обедать. Аллочка захватила мне место около себя.

– Чур, дядя Эй сюда сядет.

Мы так долго не виделись, что не хотели расставаться и за столом. Я потянулся правой рукой, чтобы взять ложку, Алла потянулась левой рукой за хлебом. Наши мизинцы встретились и зацепились друг за друга, как два крючка. Не испытывая от этого никакого неудобства, я взял свободными пальцами ложку и начал есть. Алла тоже взяла ложку правой свободной рукой и как ни в чем не бывало начала есть борщ. Но левой, через маленький мизинчик, она все время чувствовала, что я рядом. Никто бы ничего не заметил, но, когда требовалось взять солонку или хлеб, мне приходилось тащить по столу за собой руку девочки.

– Алла, – перестала есть мама Рита и строго посмотрела на дочь, – сядь как следует и отпусти дядину руку

– Я сижу как следует.

– Ты мешаешь дяде обедать.

– Она мне не мешает, она сидит как следует, – поспешил я заверить всех.

– За обедом не место играм, – сказала тетя Леля.

– Сергей, ты взрослый человек или нет? – спросила баба Валя.

Мы с Алкой переглянулись и озорно пожали плечами. Мы не могли сегодня сидеть иначе.

– Мы сидим, свой борщ едим, никому не мешаем, – сказал я.

– Мы очень вкусно едим, – подтвердила Аллочка.

Тарелка ее и в самом деле наполовину была пуста.

– Сергей, я тебя прошу вспомнить, что ты все-таки взрослый человек, – проговорила мама Рита.

– Придется вас рассадить, – сказала тетя Леля.

– Да, придется их рассадить по разным углам, – поддержала баба Валя, но добавила: – За ужином.

На какое-то время нас оставили в покое. Мы с Алкой переглянулись, как победители. Наши мизинчики крепко держали друг дружку. Чувствовать на своей руке руку девочки было необыкновенно приятно и тревожно. Это было похоже на то, как если бы цветок ромашки или гвоздики тянулся бы за каждым твоим движением.

Из-за стола нас в конце концов вытурили. Мы неловко пытались взять двумя связанными руками грушу и яблоко и опрокинули стакан с компотом на Лелю.

– Я знала, я знала, что этим кончится, – трагически сказала мама Рита.

– Ничего страшного, – поспешила остановить ее монолог моя жена. – Я вот только дядю Эя по макушке огрею. И его маленькой подружке тоже достанется по макушке.

– Леля заговорила стихами, – обрадовалась баба Валя, – надо ее почаще обливаться компотом.

И все засмеялись, а мы с Алкой громче всех. Потом баба Ната принесла посудное полотенце, чтобы вытереть стол, и они вдвоем с Ритой принялись наводить порядок, а мы скрылись в моем кабинете. Алла меня туда требовательно потянула, закрыла дверь и, заговорщицки поблескивая глазами, прошептала:

– Наклонись, что я тебе скажу.

Я присел на корточки, и она зашептала мне прямо в ухо, не спуская хитрых глаз с двери.

– Гениально, – подпрыгнул я и захохотал.

Я был в самом деле удивлен тем, что она придумала.

– Тише, дядя Эй, а то они догадаются, – приложила моя племянница палец к губам.

– Нужна суровая нитка, – сказал я.

– Или веревка.

– Нет, веревка слишком заметна. Я сейчас пойду и принесу коробку с нитками.

– И я с тобой.

Мы вышли из моего кабинета и, стараясь не показывать вида, что нам что-то нужно и что у нас есть секретный план, двинулись вдоль стеллажей с книгами. На одной из полок стояла металлическая коробка с пуговицами, иглами и нитками. Она была целью нашего путешествия, но, чтобы отвести подозрения, мы сначала посмотрели новую книгу сказок.

– Сейчас включу телевизор, будем смотреть клуб кинопутешественников, – сообщила Леля.

Она подумала, что мы просто так слоняемся по комнате. Наш обманный маневр блестяще удался.

– Включай, пожалуйста, поскорее, – сказал я.

Леля склонилась над телевизором, мама Рита помогала бабе Нате на кухне мыть посуду, а баба Валя вышла на балкон покурить. Никто

нам не мог помешать похитить катушку с суровыми нитками. Только Квадрат, почуяв неладное, залаял.

– Ты что, Квадратик? – удивилась Леля. – Это же Аллочка.

Пес завилял хвостом и поплелся за нами в кабинет.

– Уходи, вредный предатель, – толкнула его Аллочка.

Но Квадрат повалился виновато на спину и так преданно задрал верху лапы, что пришлось его оставить, взять в сообщники.

Через пять минут все было подготовлено к операции. Девочка выбежала из кабинета и нетерпеливо спросила:

– Баба Ната, ужинать будем скоро?

– Ты не наелась? – засуетилась бабушка. – Я тебе поджарю яичницу.

– Ничего она не хочет. Она с дядей Эем хочет сидеть рядом и шалить, – догадалась баба Валя.

– Не думай, что за ужином я позволю тебе вытворять всякие штуки, – предупредила мама Рита и посмотрела на меня. – Понял, дядя Эй?

Я смущенно улыбнулся. Ничего уже нельзя было отменить. Мы не могли отказаться от вытворения еще одной штуки. Слишком она была хорошо продумана.

Как мы и ожидали, за ужином нам отвели места в разных концах стола. Меня посадили спиной к балкону, а мою сообщницу спиной к двери в прихожую. Почти два метра стола, заставленные посудой, разделяли нас. Дотянуться друг до друга и зацепиться мизинцами мы не могли. Но нам и не нужно было. Вот в чем секрет. Незаметно для всех мы протянули под столом суровую нитку и привязали ее к своим мизинцам. Я к левой руке, а Аллочка к правой, к той, в которой держала вилку. Я снова чувствовал прикосновение руки девочки, прикосновение лепестка ромашки или гвоздики, которое передавалось мне по суровой нитке, как по телеграфу.

Мы ужинали молча, время от времени подергивая за нитку, чтобы удостовериться, что связь действует.

– Что это вы притихли? – подозрительно спросила Леля. – Не может быть, чтобы вы просто так притихли.

Алла многозначительно подергала за нитку, давая понять, что с Лелей следует быть очень осторожными. Я тоже подергал несколько раз, отвечая по нашему телеграфу, что понял. Но, видимо, последний

сигнал получился нерасчетливо сильным. Вилка в руке у Аллы подпрыгнула и метнула вверх картофелину.

– Как ты ешь? – спросила сердито мама Рита и внимательно посмотрела на дочь. – Что это у тебя на руке?

На другом конце стола такому же внимательному разглядыванию подверглась моя рука.

– А у тебя что на пальце? – спросила баба Валя.

Скрываться было бесполезно. Мы с Алкой засмеялись: я смущенно, она торжествующе.

– Мы под столом телеграф провели, – объяснила девочка. – Настоящий телеграф, правда, дядя Эй? Прямой и обратной связи. Один раз подергаешь нитку – «внимание!» Два раза подергаешь – «слышу вас». Как у водолазов, да, дядя Эй?

Мама Рита молча взяла с тумбочки ножницы и обрезала нитку около самого мизинчика дочери. Но смотрела она осуждающе только на меня:

– Никак я от тебя этого не ожидала. У ребенка в руке вилка. Глаз можно выколоть. Неужели ты этого не понимаешь?

Моя сестра была права. Я сказал Алке, чтобы она привязала «телеграф» за левую руку, тогда можно было бы совершенно безопасно и незаметно подавать друг другу сигналы. Но ей показалось гораздо интереснее привязать к правой руке, чтобы можно было есть жареную картошку и тут же подавать сигналы.

Мне не следовало так неосторожно дергать. Увлёкся игрой, как мальчишка. Все взрослые были совершенно справедливо недовольны мной, все приняли сторону мамы Риты.

– Тоже мне телеграфист, – покачала головой Леля.

– Это я придумала, это я – телеграфист.

Аллочка так трогательно и решительно защищала своего неудачливого сообщника, что меня очень быстро простили.

Внезапно зазвонил телефон. Залаял Квадрат. Еще в середине ужина тетя Леля заказала такси. Диспетчер сообщил, что машина уже пять минут стоит во дворе.

Баба Ната выглянула в окно и подтвердила:

– Правда, стоит.

Тетя Леля заволновалась:

– Одевайтесь скорее. Эй, дядя Эй, иди скорее задержи машину, а то она уедет без нас.

– Ладно, сейчас, – пообещал я, схватил Алку в охапку и понес к креслу, где стояли ее туфли с пуговицами-вишенками. Застегивать эти пуговицы входило в мою обязанность и всегда доставляло мне такую же радость, как держать за суровую нитку маленький хитрый мизинчик.

– Тебе говорят – еще громче и требовательнее закричала на меня Леля. – Что ты мешкаешь?

И тогда Алла, только наполовину успевшая влезть в свои туфли, сказала с вызовом и гордостью:

– Он без меня ни за что не пойдет.

Она была твердо уверена в моей преданности И я действительно не пошел задерживать такси, пока моя племянница не обулась и не оделась. Зато потом мы вместе побежали вниз по лестнице сломя голову.

Ружье

Говорили мы с Аллой и о политике. Как-то я зашел за ней в детский сад. Возвращались мы домой пешком, мимо памятника Петру I. Вдруг она остановилась и спрашивает:

– Дядя Эй, почему камень лопнул?

На гранитном пьедестале под ногой бронзового Петра I, действительно, была заметна трещина.

– Понимаешь, Аллочка, во время войны, когда тебя еще и на свете не было, фашисты пришли в наш город и первым делом решили стащить на землю все бронзовые памятники

– Зачем?

– Чтобы наделать из них, в том числе и из Петра I, снарядов. А он упирался, топнул сердито ногой, когда его стаскивали с пьедестала, вот и получилась трещина.

В другой раз гуляли мы вечером по площади около больших ярких фонарей. Я рассказывал про свое детство, про то, как прибежал мальчишкой на эту площадь праздновать День Победы. В небо взлетали ракеты, было светло, как днем.

– Люблю, когда свет, – заметила Аллочка. – Тогда совсем не страшно, правда?

– Да, – согласился я. – Сейчас везде не страшно. Все люди хорошие и в темноте и на свету.

– А фашисты нет, – решительно заявила моя племянница. – С фашистами нельзя без света.

В нашей семье пять взрослых человек отвечали за воспитание Аллочки. Но был, оказывается, еще один педагог, не учтенный нами, – дядя Телевизор. Он сумел ей объяснить, что в мире существуют не только друзья, но и враги, от нападения которых нужно защищаться с оружием в руках.

– Дядя Эй, знаешь, чего я хочу? – вдруг спросила меня девочка. – Ружье.

В магазине «Буратино» было сколько угодно собак, медведей, кукол, но Алла тянула меня из отдела мягких игрушек к другому, где продавались барабаны, сабли и ружья.

– Там все для мальчиков, там нам нечего делать, – пытался я ее убедить.

– Хочу ружье, только ружье.

– Посмотри, какая симпатичная обезьянка. Девушка, сколько стоит эта обезьянка?

Алла дернула меня за руку и, когда я к ней обернулся, буркнула, глядя себе под ноги:

– Не нужна мне обезьянка. Мне никакая кукла не нужна.

Мы отошли от прилавков к окну.

– Да ты знаешь, что со мной сделает мама Рита, если я куплю тебе ружье?

– Не нужно мне ружье. И сабля не нужна. Мне ничего не нужно.

Разговаривая со мной, она смотрела себе под ноги, но одним глазом все время косила в ту сторону, где поблескивали сабли, вынутые из ножен, и висели вниз стволами ружья. Я видел, что ей очень хочется иметь мальчишескую игрушку.

– Эх, была не была. Только ты уж меня не выдавай. Скажем: шли по проспекту и сами не заметили, как у нас в руках оказалось ружье, да?

– И сабля, да? – с надеждой спросила девочка.

Через полчаса обвешанная оружием Аллочка появилась во дворе на Никитинской. Мальчишки окружили ее, послышалась пистонная пальба. Ружье стреляло довольно громко, и баба Валя покачала головой:

– Ну, попадет вам от мамы Риты.

– Ничего не попадет, – оказал я. – Ребенок хочет игрушку. Почему мы должны лишать его удовольствия? Посмотри, каким уважением прониклись к ней мальчишки. Была просто Аллочка, а стала военным человеком.

Я поговорил бы подольше с бабой Валею, но скоро должна была возвратиться с работы мама Рита, и я предпочел исчезнуть до ее появления. Все, что было дальше, я узнал на следующий день.

– Алла, посмотри, кто идет, – крикнула Лариса. Алла обернулась и увидела, что по дорожке идет мама Рита с тяжелой суммой в одной руке и чертежами, свернутыми в трубку, в другой. Она направлялась, как всегда, к лавочке около своего подъезда, чтобы посидеть немного,

отдохнуть перед тем, как подниматься на третий этаж. Девочка, гремя саблей и ружьем, побежала навстречу. Они встретились около лавочки.

– Мам, чего несешь? Арбуз несешь? Мое пузо готово для арбуза.

– Алла, кто тебя учит таким словам? – устало спросила мама Рита. – И что это за вооруженный маскарад?

Дочь молча сняла ружье с плеча, зарядила и, зажмурившись, выпалила. Мама так и села на лавочку.

– Господи, – сказала она, – страсти какие. Девочка палит из ружья, как какой-нибудь сторож. Отдай сейчас же тому, у кого взяла. Андрюша, это твои ружье и сабля?

– Нет.

– А чьи же?

– Это мое. Только мое и больше ничейное.

– Разве ты у меня мальчик? Кто купил тебе эти дурацкие игрушки?

– Не скажу.

– Неужели баба Валя купила?

– Нет, не скажу.

– Дядя Эй?

– Я сказала, не скажу и не скажу.

Там, в магазине «Буратино», я брякнул просто так, к слову, «только ты уж не выдавай меня». Я не надеялся, что покупка мною ружья и сабли может остаться тайной. Но Аллочка восприняла мою просьбу всерьез.

– Ну, так кто же сделал тебе этот нелепый подарок? Назови мне, пожалуйста, имя своего благодетеля.

– Не назову. Не скажу. Я ни за что, ни за что не предам дядю Эя.

Она произнесла мое имя нечаянно и замерла, глядя на маму испуганными глазами. Та неожиданно улыбнулась и не стала больше ни о чем спрашивать. Она сделала вид, что ей так и не удалось выведать имя того, кто купил ружье и саблю.

– Ладно, разберемся потом. Помогите мне чертежи донести. Пойдем есть арбуз.

– Я могу нести сумку с арбузом, – обрадовалась Аллочка.

– Неси, что тебе дают.

Про тайну вооружения больше не было сказано ни слова. Мама Рита не хотела, чтобы дочь выглядела предательницей в своих

собственных глазах. Но мне досталось как следует от нее и за ружье и за саблю.

К ружью незаметно привыкли в доме и перестали иронически называть Аллу кавалер-девицей и Жанной ДАрк. Даже Квадрат, с большой подозрительностью относящийся к палке в руках человека, постепенно перестал бояться ружья и научился его без опаски обнюхивать.

В одно из воскресений мы отправились патрулировать в парк, что начинался сразу за Березовой рощей. Аллочка с ружьем, я с саблей, Андрюша взял свой автомат-трещетку. Квадрат был нашей патрульной собакой. Мы выполняли ответственное задание, которое сами для себя придумали, охраняли птиц, следили за тем, чтобы мальчишки не разоряли гнезда и не обижали ежей и лягушек.

Мы увлеклись патрулированием и незаметно забрели в заповедную часть парка. Дикорастущие кустарники и деревья сменили культурные посадки. На кленах, березах, соснах и кедрах стали появляться деревянные таблички с надписями. Территория парка без всякой границы переходила в территорию университетского ботанического сада. Деревья расступились, и мы вышли на поляну цветов.

– Цветы! – обрадовалась Аллочка – Андрюша, цветы! Дядя Эй, цветы. Я тебе сорву два и подарю. Ты их в книжку положи и засуши.

– Подожди, куда ты, зачем? – Я едва успел ее остановить.

– Как зачем? – удивилась Алла. – Память красивая о цветках будет.

– Здесь нельзя ничего рвать. Это ботанический сад университета. Видишь, таблички кругом.

– Цветы рвать запрещается. За нарушение – штраф, десять рублей, – с сожалением прочитал Андрюша.

– А нюхать не запрещается, – сказала девочка.

– Они, кажется, ничем не пахнут, – заметил Андрюша.

И оба с одинаковым интересом присели на корточки и осторожно потянулись носами к цветам. На одного Квадрата ни белые, ни красные астры не произвели никакого впечатления. Он ткнулся с разбега в них носом и, отбежав в сторону, принялся сердито чихать.

– Квадратик, перестань, – топнула на него Аллочка. – Видишь, какие хорошие цветочки. Я сорву один...

Из кустов выскочил взлохмаченный человек с палкой. Андрюша и Аллочка бросились в разные стороны.

– Девочка! Мальчик! Вы куда? – крикнул сторож, размахивая палкой. И припустился за моей племянницей.

Мне и Квадрату ничего не оставалось, как тоже побежать за сторожем. Увидев меня, он остановился и спросил:

– Это ваши дети?

– Да, мои.

– Так, – протянул он и застегнул пуговицу на животе, которая тут же снова расстегнулась. – Так, – повторил он. – Сами пойдете в контору?

– Сам пойду, – грустно сказал я.

Сторож махнул Андрюше и Аллочке палкой и крикнул:

– Идите за нами!

Сторож был выпивши и я, не желая при детях объясняться с ним, крикнул:

– Андрюша, Аллочка, идите домой! Я догоню вас.

– Нет, идите сюда! Идите с нами, – потребовал сторож.

– Андрюша, возьми Аллочку за руку и идите домой, – не слушая его, сказал я.

Сторож на всякий случай схватил меня за локоть. Квадрат кинулся на него, но тут из-за деревьев выпрыгнула огромная овчарка. Не обращая внимания на детей, она в три прыжка оказалась около нас. Квадрат жалобно взвизгнул и укатился в кусты.

– Нельзя! – крикнул сторож. – Нельзя! – И отпустил мой локоть. Собака закрутилась на месте, громко рывкнула и предостерегающе зарычала.

Андрюша и Аллочка стояли совсем близко от нас. Они прижались друг к другу и замерли.

– Идите же домой, – с досадой попросил я. – Андрюша, ты же взрослый мальчик. Веди Аллочку домой.

– Нет! У них вещественное доказательство. Они не могут уйти.

– Аллочка, отдай астру мне и идите домой.

Она послушалась меня, осторожно приблизилась, отдала цветок. Сторож больше не настаивал на том, чтобы дети шли с нами в контору. Андрюша взял Аллочку за руку, как я его и просил, но та вдруг посмотрела, что я стою, жалкий и беспомощный, с цветком в руках,

перед страшным человеком с палкой и перед его злой собакой, и вдруг, сдернув с плеча воинственно ружье, решительно шагнула ко мне:

– Я с тобой пойду.

– Ты пойдешь с Андрюшей. Он знает дорогу.

– Нет, я пойду с тобой, только с тобой.

Она покосилась на собаку и на сторожа и на всякий случай взяла ружье наперевес. Этот жест мне невольно напомнил слова, сказанные девочкой совсем недавно: «Я никогда не предам дядю Эя». Я видел, как ей страшно приближаться к сторожу, но она все-таки подошла и стала со мною рядом. Маленькая собака испугалась большой собаки и убежала. Маленький человек испугался большого человека и большой собаки, но не убегал. Аллочка взяла меня за руку, и я понял, что перед лицом опасности нас двое. Андрюша тоже не пошел один домой, и сторож повел нас в контору Ботанического сада.

Зимняя глава

На желтые листья выпал белый снег. Я надел пальто и теплую шапку, но мне было все равно холодно. В газете появилась отрицательная рецензия на мою книжку. Какая-то женщина с очень длинной фамилией утверждала, что я не понимаю жизнь и не умею разговаривать с детьми.

Мне было холодно на улице, холодно сидеть дома с тетей Лелей и бабой Натой, хоть я и закутывался в плед. Тетя Леля без конца перечитывала рецензию в газете и без конца напоминала:

– Я говорила: надо было сделать так, а не так...

А баба Ната горько вздыхала и, когда мы оставались с нею на кухне вдвоем, советовала:

– Бросил бы ты это занятие и поступил бы куда-нибудь на работу.

– Бабушка, это и есть моя работа.

– Да, я понимаю. Да только ты все пишешь, пишешь, а все без толку. Не мужское занятие, не мужское. Если бы еще не ругали за то, что ты пишешь.

И Леля и баба Ната хотели мне добра. Но они не понимали, что мне сейчас нужны совсем другие слова. Я подумал, что, может быть, на Никитинской мне их кто-нибудь скажет.

Баба Валя встретила меня грустными глазами:

– Что же теперь будет? – спросила она.

Мама Рита сказала:

– Я абсолютно согласна. Очень правильно о тебе написали.

Я знал и раньше, что она согласна. На меня повеяло таким холодом, что я сел на стул, не снимая пальто и шапки.

– Алочки нету дома?

– Есть, печет из пластилина в своей комнате пироги, – ответила баба Валя, жалостливо оглядывая меня с ног до головы.

Аллочка услышала наш разговор и выглянула:

– Здравствуй! Зачем пришел? – радостно крикнула она.

– Уши погреть.

– Замерзли, да?

Она вскочила на стул, потеснив меня немножко в сторону, и, дотянувшись до моих ушей, пощупала их маленькими теплыми ладошками. Видимо, они у меня оказались и в самом деле очень холодными. Аллочка отняла свои руки и, заглянув в глаза, строго спросила:

– А ты почему уши у шапки не отвернул?

– Не знаю.

Она сдернула с меня шапку, развязала узел, опустила уши.

– Так будет лучше.

Потом она стащила с меня кашне, пальто и заставила сесть в кресло.

– Баба Валя, не пускай его. Я ему мальчишку на самокате из пластилина покажу.

Сбегав в свою комнату, она принесла коробку с фигурками из пластилина и поставила ко мне на колени, чтобы я не смог беспрепятственно встать и уйти.

– Удивился, да? Удивился? Мировецкий мальчишка, скажи?

– Любишь ты, Аллочка, удивлять, – заметила баба Валя.

– Все любят удивлять, – грустно возразил я. – Я вот тоже хотел удивить мир, но у меня ничего не получилось.

– Как это? – не поняла Алла. – А ты сделай что-нибудь.

– Я сделал. Написал книжку, думал, все удивятся, а никто не удивился.

– А ты сделай что-нибудь из бумаги. Вырежь ножницами и сверни. Тогда все удивятся, – посоветовала она.

Прекрасный совет. Наконец я услышал слова, которых мне так не хватало в моем горе. Я засмеялся, и сразу в комнате стало тепло.

Часа через три позвонила Леля.

– Ты что там делаешь? – послышался ее сердитый голос в трубке.

– Учусь у Аллочки удивлять людей.

– Не остри:

– Я не острою, я говорю правду.

Леле, конечно, там, в Березовой роще, трудно меня было понять.

– Не валяй дурака, слышишь? Приезжай домой. Будем смотреть твой любимый хоккей по телевизору.

Мне не хотелось выходить из теплой уютной комнаты Аллочки на холод, но мой письменный стол и моя кровать находились в Березовой

роще. Я отложил с сожалением ножницы, листы прекрасной разноцветной бумаги: надо было ехать домой.

Баба Валя опять посмотрела на меня жалостливыми глазами. Мама Рита усмехнулась. Под их взглядами и усмешками я машинально привел в порядок шапку, завязал, не глядя, мотузки на макушке. Не бантиком, а как придется. И уже собрался уходить, но Аллочка требовательно потянула меня за руку.

– Дядя Эй, что я тебе скажу. Ты забыл посадить меня на сервант. Ты уже много раз забывал.

– Я посадил бы. Но баба Валя и мама не снимут тебя оттуда. Ты сама говорила.

– А ты посади и сразу сними.

– Будь по-твоему.

Это была уловка, военная хитрость. Оказавшись на уровне моей головы, Аллочка сорвала с меня шапку и крикнула:

– Все! Все! Можешь не сажать на сервант.

Я ее держал на руках, а она зубами развязывала узел, чтобы отвернуть уши. Развязала, отвернула, нахлобучила на меня, поправила как следует.

– Так пойдешь, чтобы уши не замерзли.

– Так, – согласился я. – Так. Только так.

Я испытывал к маленьким ласковым ладошкам племянницы то же чувство, что и баба Валя, когда Аллочка отбирала у нее папиросы и прятала за диваном, за шкафом или в кладовке.

– Дядя Эй, правда, дай честное слово, что не поднимешь. Дай честное, честное...

Я дал слово и шел по улице с опущенными ушами. И мне было очень тепло.

Зеленка

Еще зимой мама Рита купила коробку именинных свечей. В коробке – пятьдесят штук, хватит на всю жизнь праздновать дни рождения. Но пока требовалось всего шесть, шесть свечей в честь дня рождения шестилетней девочки. Баба Валя их воткнула в пирог, разукрашенный лепестками мармелада так, что можно было прочесть дату – 2 мая. У Алочки не было сил отойти от кухни. Вопросы так и сыпались из нее.

– Второго мая меня маме подарили? Или мне маму подарили?

– Тебе маму подарили, – сказала баба Валя.

– Ах ты, моя Бабантопула.

– Кто, кто?

– Я люблю тебя, как Бабантопулу.

Несколько дней назад по телевидению передавали оперетту «Свадьба в Малиновке», где был Попандопуло, и наша девочка довольно удачно его переделала в Бабантопулу.

– Мое сердце радуешь ты и Леля, – крикнула она, увидев меня и Лелю в дверях. – И дядя Эй. И баба Ната. Все радуют мое сердце.

– Какая ты у нас широкая, как море-океан, – заметил я.

– Смеешься? – спросила девочка.

– Нет.

– А я в твоих глазах посмешки вижу.

Я действительно смеюсь, и баба Валя смеется, и сама именинница смеется. Мы все радуемся празднику.

– Дядя Эй, а почему раскладушка называется раскладушкой, а не складушкой? Она же складывается? Она же складушка? – и вдруг добавляет: – Запиши!

Я частенько за ней записывал неожиданные слова: «фиалочки», «повертучиться», «стоколичество» и не заметил, как моя племянница выросла из этих слов и овладела речью настолько, что стала сознательно извлекать из слов нужный ей смешной смысл: из Попандопуло – Бабантопулу, из раскладушки – складушку. И главное, я не заметил, когда она стала понимать, что именно и зачем я записываю.

– Да ты, оказывается, у нас все видишь и все замечаешь, – сказал я. – Ты, оказывается, совсем взрослая. Сколько же тебе лет?

– Шесть, только шесть. И больше нисколько.

– А помнишь, как на этот вопрос ты отвечала полгода назад?

– Как?

– Я спросил: «Сколько тебе лет, Аллочка?» А ты ответила: «Полшестого».

Аллочка засмеялась. Она теперь понимала разницу между определением времени на часах и годами, прожитыми человеком.

– Надо было сказать пять с половиной, да? Знаю, знаю. Я теперь запростяк все знаю, без придумов.

Ее уверенность в себе развеселила меня еще больше.

– А совсем недавно, – сказал я, – ты не умела как следует построить фразу. Где-то у меня записан один твой разговор с бабой Вале́й. Очень смешной. Ты так рассмешила бабушку, что она сказала: «Ой, умереть можно». А ты ей на это ответила: «Не прошло еще лет умереть».

– Какие вы старенькие оба, – заметила Леля. – У вас уже появились общие воспоминания.

– Да, – согласился я, – появились, – и, похлопав по лопаткам девочку, добавил: – А ну-ка, выпрямись и ходи прямо, не сутулься.

– Ничего не можем с ней поделать, – сокрушенно пожаловалась мама Рита. – Были у врача, он назначил лечебную гимнастику три раза в неделю. Но она не хочет выполнять его указания, говорит: «Хочу быть похожей на дядю Эя».

– Ты это брось, барышня. Я неподходящий для тебя пример. Девочке это не идет, – сказал я. – Мы потихоньку начнем тебя выпрямлять, чтобы ты могла потом стать моряком, химиком или балериной.

– Нет, балериной я передумала. Я хочу летчиком. Летчиком-испытателем.

– Да? – удивились мы все. – А где ты познакомилась с профессией летчика-испытателя? Где узнала об их существовании?

– В капустнике.

– В каком капустнике?

– Ну, над нашим домом летал. Баба Валя, ты же видела. Низко, низко, такой капустник. – Затем, помолчав и с трудом вспомнив слово,

добавила: – Кукурузник.

– Химиком, значит, не будешь, – огорчилась мама Рита.

– Буду. После летчиком буду химиком.

Все эти разговоры происходили на кухне около пирога, который баба Валя поудобнее устраивала на блюде. Приближался час гостей. Для взрослых тетя Леля накрывала стол в большой комнате, а для маленьких все уже было готово в спальне. Оставалось только отнести туда пирог и зажечь свечи.

Тетя Леля, мама Рита и баба Валя обсуждали вопрос, где зажигать свечи: за взрослым столом или в комнате детей. А я думал совсем о другом. В Ботаническом саду Аллочка доказала, что дети умеют отвечать за свои слова. Она поступила как взрослый, самостоятельный человек. И пошутив про Попандопуло и раскладушку, она доказала свою взрослость. И я поторопился завести с ней взрослый разговор. А она была все еще маленькой. И даже фразы как следует строить не умела. «Без придумов», «посмешки», «после летчиком буду химиком» все еще изобличали в Аллочке иностранку в стране взрослых.

Звонок над дверью возвестил о приходе гостей. Появился Дениска с бабушкой. Детсадовский атаман держался скромно. Он протянул подарок – коробку с пластилином – и опустил глаза.

Следом за Дениской прибежали без родителей сестры кузнечики-близнечики Оля и Люба. Они никого и ничего не боялись, еще в прихожей начали толкаться и хихикать, а увидев чинно сидящего толстощекого мальчика, и вовсе развеселились.

Пришла Лариса, не пьющая сырую, воду. Она принесла в подарок пластмассовую куколку, для которой сама сделала пончо из ярко-голубого лоскутка. Андрюшу бабе Вале пришлось привести за руку. Он был постарше и стеснялся общества малышей.

Дети расселись за маленьким столиком на маленьких стульях вокруг пирога. Мама Рита зажгла шесть свечей, и каждому достался кусочек пирога с огоньком.

– Ну, раз, два, три! Дунули! – скомандовала она.

Все разом дунули и погасили свечи. Одна Алла сохранила зажженной. Первый раз так торжественно отмечался ее день рождения. И она не знала, что сделать, что указать, чтобы выразить восторг и признательность гостям.

– Я хочу съесть огонь, – заявила она и сделала вид, что собирается лизнуть язычок пламени.

– Не дури, – испугалась мама Рита и поскорее погасила свечу.

– А я хочу съесть стул, – в тон хозяйке сказал Дениска.

Сестры кузнечики-близнечики, перебивая друг друга, закричали:

– А я хочу съесть скворечник.

– А я хочу съесть скворечник и дерево.

Обе они сидели лицом к окну и называли то, что видели прямо перед собой за окном.

Это была игра, в которой разрешалось есть все, что придет в голову. Лариса, не пьющая сырую воду, сказала, что съест паровоз. Аллочка пообещала отгрызть угол у дома и сжевать его вместе с водосточной трубой. Сестры сказали, что вдвоем они могут съесть мост с автомобилями и трамваями. Андрюша не участвовал в этой игре. Но и он следил с интересом за дуэлью малышей и наравне с ними уплетал именинный пирог вперемежку с мостами, паровозами, телевизионными башнями и трамваями.

Мама Рита вышла из комнаты детей и сообщила:

– Там пир в полном разгаре. Ваша Лариса заявила, что отныне будет есть только крокодилов с вареньем и подводные лодки, А Дениска предпочитает троллейбусы с помидорами.

Взрослые гости сдержанно заулыбались. Перед каждым стояла рюмочка с вином. Передо мной тоже. Я взял ее в руки, и мне сразу стало скучно. Я давно убедился, что за взрослым столом люди только едят и пьют, а играть совсем не умеют. Меня гораздо больше привлекал веселый шум в соседней комнате.

– Эх, я бы тоже сейчас съел пару чернильных приборов всмятку и одну хорошо поджаренную черепичную крышу, – сказал я.

Леся поняла мое состояние.

– А ну-ка, поставь рюмку, – приказала она и объяснила гостям: – Он у нас совершенно не понимает в этом вкуса. Иди-ка лучше к детям. Баба Валя тебе туда принесет чай.

Я обрадованно поднялся. Гости опять сдержанно заулыбались. И, провожаемый их насмешливыми взглядами, я скрылся за дверью, которую плотно прикрыл за собой.

Я пришел вовремя. Дениска, Аллочка и сестры кузнечики-близнечики шумно продолжали игру, а Лариса сидела молча и вот-вот

собиралась заплакать.

– Что случилось? – поспешно спросил я.

Она молча показала мне коленку, и на глазах у нее выступили слезы. Из неглубокой царапины точками и тире выступили капельки крови. Игра прекратилась, и все испуганно уставились на ногу Ларисы. Андрюша поднырнул под стол и сообщил:

– Здесь гвоздь торчит.

Этот гвоздь в ножке стола я недавно загнул кверху, но каким-то непонятным образом он провернулся вокруг своей оси и снова оказался острием вниз.

– Ничего страшного, ничего страшного, – забормотал я. – Аллочка тоже оцарапалась об этот гвоздь. Сейчас помажем йодом, и все пройдет.

Аптечка с лекарствами висела тут же на стене. Йода в ней не оказалось, но зато нашлась зеленка. Я намочил вату и, быстро помазав царапину, начал дуть на ногу, чтобы не слишком жгло. Аллочка, как гостеприимная хозяйка, присела на корточки и тоже принялась дуть на ногу Ларисы.

– Мне не больно, совсем не больно, – сказала наконец та. Посмотрела на свою ярко-зеленую коленку и огорченно закончила: – Только нога теперь испорчена.

Алла почувствовала себя виноватой: гвоздь торчал в ее столе. Она подняла свою ногу и, показав на давнюю царапину, потребовала:

– Помажь и мне.

Я сообразил, что она делает это из чувства солидарности, и, не раздумывая, разукрасил и ей коленку зеленкой.

– И мне, – подскочила Люба.

– И мне тоже, мне, – подскочила с другой стороны Оля.

Они смешно тянули ко мне коленки и были действительно похожи на кузнечиков.

– Нельзя, девочки, нельзя, – сказал я. – Это лекарство. У Ларисы царапина. Поэтому я ей помазал ногу. И у Аллочки – царапина. Хоть и старая, зажившая, а все-таки царапина. А так нельзя.

– И у меня старая царапина, вот, – показал Дениска руку, оцарапанную во время игры с кошкой. – Мне тоже можно?

– Ты хочешь, чтоб я тебе помазал?

– Да, – решительно заявил он.

– Ну, давай, – обреченно согласился я. – Если старая царапина, хоть и зажившая, то можно.

Это было моей ошибкой. Через пять минут сестры кузнечики-близнечики предъявили мне столько ссадин и царапин на ногах, на руках, на плечах, что я должен был бы их измазать в зеленку с ног до головы, если бы согласился неукоснительно следовать своему собственному правилу. Но я соглашался признавать за царапины только самые большие. Но и таких оказалось слишком много. Не успевал я помазать одну ногу, как ко мне тянулась другая. Сестры и тут смешно толкались, стараясь каждая раньше другой предъявить свои боевые шрамы.

Алла срочно разыскала у себя прошлогоднюю ссадину на локте и почти совсем свежую царапину на животе.

– В очередь! В очередь! Все становитесь в очередь! – закричала она.

Шрамы своей племянницы я мазал с особым удовольствием.

За Аллочкой вдруг подошла Лариса. Она смущенно подставила щеку:

– Я тоже с котенком играла, и он меня поцарапал.

Я ткнул ее осторожно ватой в щеку. Мне было очень приятно, что Лариса не заплакала и благодаря веселой игре забыла про действительную боль.

За Ларисой в третий раз подошел Дениска. Он предъявил шишку на голове. Я помазал и шишку.

Я опомнился, когда обнаружил перед собой Андрюшу. Потупив глаза, он смущенно протягивал мне тыльную сторону левой руки.

– Я вырезал из коры кораблик, а нож соскользнул и вот. Мне совсем не больно, – добавил он, но руку не убирал.

– Ты тоже решил отметить старые раны? – пошутил я и почувствовал где-то внутри холодок беспокойства.

Я ему помазал руку и вдруг увидел, что Алла, Дениска и сестры кузнечики-близнечики завладели резиновой крышечкой от пузырька с зеленкой и ставят друг другу на щеках одинаковые зеленые кружочки.

– Что вы делаете? Дайте сюда!

Но было поздно. Все гости и сама хозяйка разукрасились в зеленку, как индейцы, собравшиеся выйти на тропу войны.

Я отобрал у детей крышечку и с ужасом подумал, что родители меня не поймут. Я подошел к зеркалу и посмотрел на себя их глазами. Ватка с зеленкой все еще была в моих руках, и я с досады, что затеял эту игру, ткнул ваткой свой глупый лоб. Теперь родители не могли мне сказать хотя бы того, что я раскрасил их детей, а сам остался нераскрашенным. Дети, притихшие было, когда я отобрал у них крышечку от пузырька, дружно засмеялись. В дверь заглянула празднично улыбающаяся баба Валя:

– Алла, спроси у дяди: чай ему сюда или... – И оторопело остановилась. – Что здесь происходит?

– Мы мазали только настоящие царапины, – заверила ее поспешно Аллочка. – Мы просто так не мазали. Это лекарство. Дядя Эй сказал, что только настоящие можно.

Я из глубины комнаты робко поглядывал в сторону бабы Вали. Вообще-то мне хотелось куда-нибудь спрятаться.

– Ты соображаешь, что делаешь? – тихо спросила она. – Ты соображаешь что-нибудь своей зеленой дурацкой башкой?

Родители повскакали с мест, заохали, заохали, кто-то грустно засмеялся. Потом они похватили своих детей, как будто им грозила смертельная опасность, и стали торопливо прощаться. Только сестры кузнечики-близнечики прыгали как ни в чем не бывало и не хотели идти умываться.

Захлопали двери квартиры. Минут пять или десять мы с Аллочкой сидели вдвоем за опустевшим столом. Потом к нам зашла тетя Леля.

– Я тоже уйду, – тихо сказала она.

– Я сейчас, я только обуюсь, – виновато засуетился я.

– Нет уж, – отказалась она. – Ты иди лучше один. Но сначала взгляни на себя в зеркало, клоун.

– Я умоюсь.

– Умывайся, делай что хочешь, а я пошла.

Хлопнула дверь и за тетей Лелей. Я юркнул в ванную комнату, торопливо умылся. Но улизнуть незаметно мне не удалось.

– Знаешь, кто ты? – спросила мама Рита – Ты Юрий Никулин. Тебе надо в цирк. Ты не своим делом занимаешься.

– Вы ничего не понимаете, – попытался я защититься. – Лариса поцарапала ногу.

– Я им объясняю, объясняю, а они не верят, – крикнула Алла.

– А ты сиди и не высовывался, – сказала баба Валя.

– Буду высовываться. Я всегда буду высовываться. Я пойду провожать дядю Эя.

– Сиди и не высовывайся, я тебе сказала. Сейчас мама купать тебя будет.

– Нет, пойду, пойду.

– Пусть идет, – усталым голосом проговорила мама Рита, – клоуны тоже нуждаются в утешениях, когда их номер проваливается.

Мы вышли с Аллой из подъезда, и она сразу повернула в противоположную сторону от ворот и трамвайной остановки.

– Ты куда?

– Провожать тебя.

– Но там же забор, а мне надо на трамвайную остановку. Лелю догонять.

– Мы пойдем вокруг дома сначала, – объяснила Аллочка.

– Почему вокруг?

– Так такси делает.

Мне было не до улыбок, но я все же улыбнулся. Таксисты всегда объезжали вокруг дома, потому что перед подъездами им негде было развернуться. Аллочка выбрала эту дорогу, чтобы подольше побыть со мной. Провожать она меня могла только до ворот. На улицу выходить ей не разрешалось.

Мы завернули за угол дома. Здесь на солнышке маленькая девочка играла в мяч. Мама сидела на скамейке и вязала. Мельком посмотрев на ноги моей племянницы, она сказала, предостерегая свою дочь от слишком резких движений:

– Вот видишь, девочка прыгала и теперь у нее вот такие ноги. Зеленые.

– Это для красоты, – обиделась Алла.

Я обрадовался найденному слову. Это для красоты. Вот чего не поняли гости-родители и мама Рита, баба Валя, тетя Леля.

Мы обошли вокруг дома и остановились около ворот.

– Ну, пока? – сказал я.

– Пока, пока! – ответила девочка и крикнула мне вслед: – Привет товарищу Абажурову.

– А товарищу Выключателеву?

– И товарищу Выключателеву, и товарищу Гвоздикову, и товарищу Сервантову, Мячикову, Скамейкину.

В эту игру мы обычно играли, когда у нас было хорошее настроение. Прощаясь, придумывали людей с фамилиями, образованными от самых неожиданных предметов и слов. Мы передавали приветы и товарищу Спасибову и товарищу Пожалуйстову. И сейчас Аллочка нарочно напомнила мне эту игру, чтобы улучшить настроение.

– Хорошо, передам, – сказал я. – И товарищу Клоунову. Трамваеву тоже передам.

– И еще не забудь передать товарищу Телевизорову, Транзисторову, Вьетнамову и Америкову, – крикнула она мне, когда я был уже далеко.

Я ничего ей не ответил, только помахал рукой.

Побелка деревьев

Через неделю после дня рождения мы выехали всей семьей на дачу, чтобы провести там субботу и воскресенье. Предстояли весенние работы.

Я достал с чердака соломенную шляпу, развел краску и полез по приставной лестнице наверх красить крышу. Тетя Леля развела мел с клеем и принялась белить стволы яблонь. Мама Рита вымыла ручку лопаты (она мыла все, что ей попадалось в руки) и начала вскапывать огород под картошку. Баба Валя и баба Ната наводили порядок в доме. Мне слышно было, как они внизу подо мной двигают столы и кровати. Одна Алла осталась без работы.

– Дядя Эй, я к тебе хочу на крышу, – крикнула она.

– Нельзя, видишь, я сам здесь еле держусь.

– А на лестнице можно. На лестнице всем детям можно. Нам в детском саду говорили. Да, правда.

– Алла, отнеси мою кофту в дом, – позвала мама Рита, желая отвлечь девочку от крыши.

Она отнесла кофту и снова вернулась к лестнице.

– Дядя Эй, я тебе конфету принесла. Ореховая смесь. Хочешь Я тебе сейчас ее подам.

– Не надо, не надо. У меня все равно руки заняты.

– Это же твои любимые. Ореховая смесь, – сказала она с недоумением.

– Спасибо, спасибо, – поблагодарил я с улыбкой и, забавляясь ее деланным недоумением, спросил: – А ты знаешь, какая ты смесь?

– Какая?

– Нитротолуоловая.

– А что это такое?

– Взрывчатая смесь.

– Я взрываюсь, да? Я на крыше не буду взрываться.

– Вот упрямая, – громко заметила мама Рита, – ей дядя говорит, а она свое. Отойди сейчас же от лестницы, не мешай ему работать.

– Не отойду. Я, что ли, мешаю ему красить?

– Алла, – раздался из дома озабоченный голос Бабантопулы, – спроси у тети Лели, куда она дела молоток?

– Не знаю.

– Я не у тебя спрашиваю. Я тебя прошу у Лели спросить.

– Ладно, – ответила девочка с неохотой и двинулась в глубь сада. Но по мере того как она подходила к побеленным чистеньким яблоням, походка ее становилась все более стремительной и осмысленной. Сверкающие на солнце стволы деревьев, похожий на сметану раствор в ведерке ослепили ее своей белизной, и она мгновенно забыла про молоток. Испачканное в мел лицо Лели показалось девочке прекрасным.

– Ой, Леля, Леля, дай я разочек бельну, – попросила она.

Моя жена с сомнением посмотрела на Аллу и не очень уверенно протянула щетку.

– На, попробуй. Только не испачкайся. Макай осторожнее. Дай я сама тебе обмакну.

Я перестал красить крышу и смотрел сверху с любопытством, как моя племянница, двигаясь осторожно и сосредоточенно вокруг ствола груши, проводит щеткой по коре сверху вниз, словно поглаживает живое существо. Она попросила «разочек бельнуть» и ждала с замирающим сердцем, что вот-вот у нее отберут щетку. Но Леля отошла попить воды, и девочка на целую минуту осталась одна. К возвращению Лели она успела забрызгать мелом и землю, и лицо, и платье. Она обмакивала щетку в густую «сметану» по самую ручку и, торопясь сделать побольше мазков, не обращала внимания на то, что раствор течет по запястью, по локтю.

– Я побелила дерево! – вдруг раздался ее торжествующий возглас. – Мама, баба Валя, дядя Эй, я побелила дерево! Леля, я побелила дерево!

– Алка, Алка, что ты наделала, – ужаснулась Леля. – Ты не дерево, ты себя побелила.

Мама Рита сосредоточенно копала землю. Услышав последние слова моей жены, она подняла голову, воткнула лопату и направилась строевым шагом к дочери.

– Мама, посмотри, я побелила дерево!

Мама не захотела посмотреть. Она взяла дочь за руку и молча повела к рукомойнику. Но даже принудительное умывание не могло

сегодня испортить человеку в коротких штанишках настроение. Девочка вкусила радость настоящей взрослой работы и чувствовала себя счастливой и гордой, как человек, который мог о себе крикнуть: «Я построил Эйфелеву башню».

Выпутавшись из полотенца и маминых рук, она побежала, громко провозглашая победу:

– Я дерево побелила! Баба Ната, дядя Эй, я дерево побелила! Я всегда теперь буду белить. Я умею.

Потом остановилась, посмотрела на меня, полулежащего на крыше с ведром в одной руке и кистью в другой, на голубое небо, на зеленые ветви липы, вознесшиеся выше дома, и неожиданно для себя прочитала стихи, тут же при нас сочиненные...

Шумят листья,
Шумят листья зеленые,
Как будто лето настает на глазах.

Она повторила несколько раз эти три строчки и побежала вприпрыжку к Леле.

– Ты мне дашь еще бельнуть? Я теперь не испачкаюсь. Я сниму платье и буду в одних трусах белить.

– Нет, Аллочка, это серьезная работа, а не игрушка, – сказала моя жена.

– Она и хочет серьезной работы, – подал я с крыши свой голос.

– Сиди там и помалкивай, – не поднимая головы и не оборачиваясь в мою сторону, бросила жена. – Должна тебе заметить, что ты ведешь себя непедagogично.

– А потом мы удивляемся, что никто не хочет идти в маляры, – сказал я, обращаясь к пролетающим мимо воробьям и синицам, сидящим на ветвях липы.

– Тетя Леля, дай, ну дай, пожалуйста, – пользуясь моей поддержкой, потянулась девочка к щетке.

– Алла, что это еще такое?

– Алла, подойди сюда, – строго позвала мама Рита и, когда девочка приблизилась к ней, сказала: – Не мешай людям работать. Разве тебе нечего делать?

– А что мне делать?
– Иди Доиграй с обезьянкой Джуди или Кнопкой. Зачем я везла целую сетку игрушек?
– Не хочу играть.
– Ну, помогай мне вскапывать огород.
– Ладно, – обрадовалась Алла. – Это я могу. А чем я буду копать?
– Своей лопаточкой.
– Она же маленькая и гнется.
– Ну и что же?
– Нетушки, не обманешь. Это игрушечная лопатка. А игрушечными лопатками, к вашему сведению, огороды не копают. Сама ее бери. А мне отдай свою.

– Алка, – засмеялась мама Рита, – отпусти ручку.
– Отдавай, отдавай, нечего.
– Отпусти, тебе говорят. Ты еще маленькая для этой лопаты.
– Не отпущу. Отдавай, отдавай. Нечего теперь.
– Мне некогда с тобой играть, слышишь? – Мама Рита нахмурилась. – Получишь по рукам. Лопата – острый шанцевый инструмент, а не забава для маленьких девочек. Вон к бабе Вале иди и к бабе Нате. Помогите им полы домыть.

Баба Валя выжимала около крыльца тряпку. Услышав совет мамы Риты, она сердито вскинулась:

– Еще чего! Соображай, куда посылаешь ребенка. Там по углам всякая мышьяная зараза за зиму накопилась. Хочешь, чтоб туляремию подхватила?

Алла не спросила, как обычно, что это такое – шанцевый инструмент и что это такое – туляремия, хотя наверняка впервые слышала оба слова. Она бесцельно двинулась по саду, открыла и закрыла калитку, подобрала с земли молоток около кухни, ударила им о первую попавшуюся доску в заборе. Доска спружинила, и молоток отскочил с такой силой, что она его едва удержала в руке.

– Алла, – позвала веселым голосом тетя Леля, – спроси у бабы Наты и бабы Вали, собираются они нас кормить обедом?

Девочка не отозвалась. Она стояла у забора и бессмысленно ударяла молотком по пружинистой доске.

– Алла, ты где?
– Она занята, – ответил я за племянницу.

– Чем? – удивилась Леля.

– Вы думаете, маленькие дети только в рассыльные годятся? «Алла, спроси то, Алла, принеси это», – передразнил я. – Побелкой хотел заняться человек – не дали. Позвали копать огород и обманули. На крышу – нельзя. И так год за годом, год за годом. А потом: ах, попрыгунья-стрекоза выросла. Только и знает, что бессмысленно молотком бить по доске ради развлечения. Доска давно гвоздями приколочена, но это никого не волнует. Пусть бьет молотком по пустому месту, лишь бы не мешала.

Произнося свою речь, я выпрямился во весь рост на крыше, хотя это было опасно, и видел, с каким удивлением меня снизу рассматривают мама Рита и моя жена. Только Алла, не обращая внимания, била методично по доске.

– Где молоток? – высунулась из двери баба Валя. – Я его давно ищу.

– У твоей внучки в руках.

Почувствовав, что все на нее смотрят, Алла с еще большей силой стала бить по доске. Молоток, отскакивая, вырывался из слабенькой руки и проносился около самой головы четырехгранным заостренным снарядом.

– Зайчик, – испуганно подбежала к ней баба Валя. – Зачем ты это делаешь? Ты так нечаянно можешь убить себя.

– А я, может, хочу умереть. Убей меня.

– Ну-ка, дай сюда молоток. И не смей его больше никогда брать в руки. И уматывай в холодильник от забора, пока я тебе уши не надрала за твои глупые слова.

Баба Валя пошла в дом, девочка двинулась за ней.

– Надери мне уши.

– Ты что, того? – спросил я с крыши.

– Не знаю, того или не того. Я еще не понимаю этого.

И она стала ходить за бабой Валею и кланяться:

– Надери мне уши.

– И надеру, дождешься.

– Надери, пожалуйста, мне уши.

– Все ты, все ты, – сказала мне жена. – Видишь, какое она себе премиленькое развлечение нашла.

– Вижу. Было бы гораздо лучше, если бы ты поделилась с маленькой девочкой своим развлечением. Сама и коленки и даже затылок испачкала в мел, а ребенку, видите ли, нельзя.

– Это не развлечение, а серьезная работа.

– Вот и пусть бы работала... Все! Хватит с меня. В знак протеста против неправильного воспитания я отказываюсь красить вторую половину крыши. Пусть остается непокрашенная.

Произнося свою вторую речь с крыши, я так размахался руками, что кисть вырвалась у меня и плюхнулась на землю. На асфальтовой дорожке около крыльца рядом с откатившейся кистью отпечатался большой зеленый восклицательный знак. «И очень хорошо», – подумал я.

Глиммингенский замок

После истории с зеленкой и с побелкой деревьев в нашей семье все в один голос заговорили о том, что я плохо влияю на Аллочку, и решили усилить свое хорошее влияние. Ладя договорилась с мамой Ритой и бабой Вале́й, что будет два раза в неделю приходить и беседовать с девочкой на разные темы.

В пятницу вечером она позвонила на Никитинскую и спросила по телефону у бабы Вали:

– Ну, как дела?

– Плохо. Сказала, что не хочет больше ходить в детский сад. Ей там, видите ли, неинтересно. Хлеб назвала гадостью. Совсем отбилась от рук. Это все дядя ее великолепный виноват.

– Ничего, – пообещала моя жена. – В воскресенье я приду, поговорю с ней. Она девочка умная, все поймет.

В воскресенье утром Леля купила в промтоварном магазине детские колготки, около магазина купила леденцового петуха на палочке и поехала на Никитинскую разговаривать с девочкой о том, что такое хлеб и почему надо ходить в детский сад.

Алла играла во дворе. Увидев Лелю, она бросила ведро и лопату в песок и побежала, растопырив руки, навстречу к тете.

– Здравствуй, ты пришла, а я замок строю.

– Здравствуй, здравствуй, барышня-крестьянка. Ну-ка пойдем, я хочу с тобой поговорить.

Она поймала девочку за плечо и повела к подъезду, но около самой двери Алла вывернулась.

– Я еще не пойду. Я погуляю.

И побежала к лопатке и ведерку.

– Подожди, Алла!

– Я занята, – крикнула девочка не оборачиваясь. – Я замок строю.

Леля постояла минутку у подъезда одна и двинулась к ящику с песком.

– Что значит занята? – хмуро спросила она.

– Я занята, понимаешь? Я строю Глиммингенский замок.

О существовании этого замка она узнала из книжки шведской сказочницы Сельмы Лагерлеф «Чудесное путешествие Нильса с дикими гусями». В замке, брошенном людьми, жили звери и птицы. На башне было гнездо аиста Эрменриха, в очаге устроила себе постель кошка, под сводами обитали мудрые совы.

– Бросай сейчас же и идем домой, – сказала тетя Леля. – Я тебе новые колготки принесла. Надо их примерить.

– Я не хочу, Лель. Мне не нужны колготки. Я строю Глиммингенский замок, – попыталась еще раз объяснить Аллочка. – Я как раз строю башню Эрменриха.

– И без разговоров. Когда взрослые говорят – надо слушаться. И вообще, бабушка на тебя жалуется, что ты разболталась за последнее время. Ишь какая – колготки ей не нужны. Я не так часто прихожу, чтобы ты меня так встречала.

Она отняла у девочки лопатку и ведерко, отряхнула ей руки и платье и, больно взяв за плечо, увела от ящика с песком, от наполовину выстроенных башен Глиммингенского замка.

Взрослые люди очень часто не замечают, как эгоистична их любовь. Сами они не любят, когда их отрывают от дела, даже пустякового. Разве стоят того самые лучшие колготки, чтобы из-за них прекращать строительство замка? Алла подчинилась с большой неохотой и обидой.

– Ты знаешь, как я к тебе отношусь. Поэтому не дуйся напрасно. Вот держи золотого петушка.

Леденец на палочке не улучшил настроение, но, машинально его лизнув раз, другой, девочка вздохнула и решила покориться судьбе и, так уж и быть, примерить ставшие за одну минуту ненавистными колготки.

Баба Валя очень обрадовалась подарку.

– Я давно хотела купить ей такие, но все не было подходящего размера.

Колготки пришлись впору. Алла терпеливо подождала, когда Леля и бабушка ощупают ее со всех сторон, и только после того, как они вдоволь насладились зрелищем новых колготок, спросила:

– Баба Валя, я еще погуляю немножко? Можно?

Ей хотелось скорее вернуться к строительству Глиммингенского замка, к наполовину возведенной башне Эрменриха,

но Леле хотелось поскорее начать ее перевоспитывать.

– Подожди, голубушка, – вместо бабы Вали ответила она. – Прежде ты мне ответишь на несколько вопросов. Я узнала про тебя ужасную вещь.

– Какую вещь? – испугалась Алла.

– Баба Валя мне позавчера сказала по телефону, что ты хлеб назвала гадостью. Я просто не поверила. Ты, наверное, ошиблась?

– Не ошиблась, – с неожиданным вызовом ответила девочка.

– Что такое? Почему ты мне так отвечаешь?

– Она совсем у нас разучилась уважать старших, – грустно покачала головой баба Валя. – С тетей Лелей так разговаривать! И нечего слезы лить. Москва слезам не верит.

– И пусть не верит. И не надо.

Тетя Леля сидела в кресле. Баба Валя стояла у двери на кухню. Алла – у окна. И в тот момент, когда Леля спросила у нее про хлеб, она увидела, как подошли мальчишки с соседнего двора к ящику с песком и разрушили Глиммингенский замок, все его башни, заградительный ров и мосты.

– Я не понимаю только одного, – возмутилась Леля. – Как ты смеешь так говорить о хлебе. И еще плачешь. Ты знаешь, какое это богатство – хлеб, когда он есть, и какое это бедствие, когда его нет? Люди умирают, если у них нет хлеба. Так было в войну в блокадном Ленинграде.

– А я не умру! Ни за что не умру! – крикнула с отчаянием Алла, видя, как мальчишки разравнивают песок на том месте, где совсем еще недавно, минуто назад, был замок. – Я могу совсем не есть хлеба, к вашему сведению. Я бы его никогда не ела. Это меня баба Валя заставляет.

Она отвернулась от окна. На месте ее замка мальчишки рыли в песке яму.

– Пойди умойся и вытри слезы, а потом будем разговаривать, – приказала тетя Леля тоном победительницы. – Неприятно на тебя смотреть. Меня только одно утешает: раз плачешь – значит, понимаешь свою ошибку.

Баба Валя повела Аллочку умываться, а тетя Леля, довольная собой, откинулась на спинку кресла и посмотрела на часы. У нее оставалось еще немного времени, чтобы затронуть другую тему. В три

часа она договорилась встретиться с портнихой, а сейчас было только два. Моя жена была убеждена в том, что с детьми нужно регулярно проводить нравоучительные беседы.

Алла вернулась из ванной умытая, причесанная и успокоенная.

– Ну, вот, теперь ты похожа на хорошую девочку, – удовлетворенно заметила Леля. – Кстати, хорошая девочка Алла, это правда, что ты не хочешь ходить в детский сад?

– Не хочу.

– Почему?

– Там спать надо.

– Если надо, значит, надо. Ты уже взрослая и должна понимать, что у каждого человека есть свои обязанности. Если тетя, например, откажется вести троллейбус, тебе придется идти пешком.

– Ну и пусть.

– А другая тетя откажется выпекать хлеб. Что ты будешь есть?

– Ничего. Петуха твоего.

– Заладила «ну и пусть», «ничего», – рассердилась Леля. – А если третья тетя на сахарном заводе скажет: «Ну и пусть» и не пойдет на работу? Не будет не только хлеба, но и конфет.

– Ну и пусть.

– Ах, так! Дай сюда петуха.

Леля протянула руку, Алла в последний раз лизнула леденцовое крылышко и отдала петуха.

– Пожалуйста, большое пожалуйста, – вспомнила она свое детское слово.

– Хорошо, очень хорошо. Теперь снимай ботинки, потому что четвертая тетя не пошла на фабрику и у тебя нет ботинок.

– Вот ваши ботинки. Не нужны они мне, – сказала девочка. – Я могу ходить босиком.

Ботинки полетели под кресло.

– Ну и упрямая ты, – удивилась Леля. – Но если ты так упорствуешь, то тебе придется снять и платье, и колготки. Ничего этого нет, потому что никто не пошел на работу и некому было делать для тебя одежду.

Леля не успела договорить свою фразу, как платье полетело к ней на колени, а колготки оказались на полу. Баба Валя заволновалась. Пол был холодный, а внучка стояла босиком, в одной маечке и трусиках.

– Алка, – сказала баба Валя встревоженно, – нельзя быть такой упрямой девочкой. Тебе тетя Леля говорит, а ты слушай и мотай на ус. И делай выводы.

– А где у меня ус? – крикнула девочка. – Где? У меня нет никаких усов, к вашему сведению.

– Она уже сделала выводы, сделала, – поспешила сказать тетя Леля. – Она понимает, что в одних трусах и маечке не пойдешь гулять на улицу.

– Пойду, не испугаюсь, к вашему сведению.

– Иди, иди, а мы посмотрим, как тебя все люди засмеют.

– И пойду.

И она действительно двинулась в коридор. Желая ее остановить, Леля сказала:

– Но в таком случае тебе придется снять трусы и майку. Их тети не стали бы делать, если бы знали, что ты откажешься ходить в детский сад, откажешься выполнять свои обязанности перед обществом.

На пол у самой двери полетели трусы и майка. Щелкнул английский замок, по полу от двери в коридор пролетел через всю комнату ветерок и захлопнул форточку и балконную дверь.

– В самом деле пошла, – растерянно проговорила Леля.

– Пошла, пошла, – передразнила ее баба Валя. – Педагоги чертовы, только и способны ребенка пугать и простуживать.

Она ринулась следом за внучкой, догнала ее уже на лестничной площадке второго этажа.

– Простудишься, балда! Вот балда.

Она схватила ее бережно в охапку, пронесла мимо Лели в спальню и там старательно закутала с ног до головы в пушистое одеяло.

– Не плачь, не плачь, моя хорошая. Леля пошутила.

– Нет, не пошутила. Она хотела голой меня выгнать на улицу. Она сказала: «Иди, иди».

– Ну, успокойся, успокойся.

– Она хотела голой меня выгнать на улицу.

Аллочка плакала навзрыд.

Урок не удался. Моя жена говорила правильные слова, но девочка их просто не слышала. Это были красивые речи человека, который

только что разрушил, пусть и не своими руками, Глиммингенский замок.

Леля ушла из дома на Никитинской с тяжелым чувством утраты.

Дух противоречия

Взрослые любят говорить, что жизнь полосатая, как зебра: полоса белая, полоса черная. После того как Леля разрушила замок, жизнь Аллочки вступила в черную полосу.

В понедельник мама Рита дольше обычного задержалась на работе. Девочка до самой темноты просидела у окна, прислушиваясь к позвякиванию трамвая на соседней улице и к шагам на лестнице. Еще до того как мама Рита вставила ключ в замочную скважину, Алла была в коридоре. Дверь открылась, мама Рита шагнула вперед, сгибаясь под тяжестью сумки с картошкой, и вдруг услышала замечание дочери:

– Явилась – не запылилась.

– Как ты встречаешь маму, – ужаснулась баба Валя.

– Как встречаю – так встречаю, – независимо ответила девочка.

Ей казалось, что она сказала очень красивое приветствие, складное: «Явилась – не запылилась». Но мама Рита выпрямилась и скучно проговорила:

– Марш в угол.

На другой день в присутствии гостей, которые ее называли Алонькой, Аллочкой, баба Валя попросила:

– Алка, подай мне ножницы.

И внучка ей вдруг ответила:

– Валька, бабка, не подам тебе ножницы.

Все пришли в ужас, а баба Валя обиделась, закрылась в кухне и не вышла оттуда, пока не выкурила подряд три папиросы.

Надо было что-то делать, что-то придумать, помочь девочке поскорее выбраться из черной полосы в белую. Я отправился на Никитинскую. Алла встретила меня радостно, но глаза были печальные и плечи сутулые больше обычного.

– Ну, как дела? – бодро спросил я.

– Плохо.

Ответила и вздохнула.

– А что случилось?

– Вредничаю.

– И не можешь никак остановиться, да? Зачем ты вредничаешь?

Пожала плечами:

– Не знаю. Баба Валя говорит – «дух противоречия».

– Правильно, – осенило меня, – все дело в том, что в тебе живет Дух Противоречия, в то время, когда он должен жить в старой керосиновой лампе или в бутылке. Неси скорее бутылку.

– Зачем? – удивилась Аллочка. – Дядя Эй, зачем?

– Сейчас увидишь. Мы спрячем твой Дух Противоречия в бутылку и закроем пробкой. Ты же знаешь, что джины и духи живут в бутылках. Помнишь, мы в сказке читали?

Алла кивнула. Она помнила. Но то в сказке. Девочка с недоверием и страхом следила за тем, как баба Валя моет бутылку из-под апельсинового сока и как я подбираю к этой бутылке хорошую пробку.

– Неправда, дядя Эй, не запрядешь, – сказала моя племянница, но в голосе прозвучало сомнение.

– Говори сюда, – подставил я бутылку.

– Чего говорить? О чем?

– Что тебе подсказывает Дух Противоречия, то и говори.

Она склонилась над горлышком и, конфузясь и в то же время немножко побаиваясь того, что должно произойти, быстро повторила несколько раз:

– Вредничаю, вредничаю, вредничаю!

И тут я ловко, так что ни одно «вредничаю» не успело вылететь назад из бутылки, заткнул горлышко пробкой. От дыхания стенки бутылки запотели и стали матовыми.

– Видишь, Дух Противоречия там, – радостно показал я бутылку. – Теперь мы спрячем его в кладовку, и ты будешь всегда хорошей девочкой.

Алла с опаской подержала в руках бутылку. Никаких сомнений не оставалось – Дух Противоречия пойман и сидит на стенках бутылки, накрепко запечатанный пробкой.

Алла притихла, забралась с ногами в кресло и просидела в нем, вежливая, послушная, пока я не ушел.

Но, видимо, я плохо закрыл пробку. К вечеру Дух Противоречия снова оказался на свободе. Мама Рита не разрешила взять балерину с серванта, но руки сами так и тянулись к фарфоровой статуэтке.

– Куда ты полезла, – сказала мама Рита, – отнеси стул на место и не смей никогда брать балерину.

– А я хочу, – заявила дочь.

И, несмотря на запрещение, еще ближе пододвинула стул, взобралась на него и сняла балерину с серванта.

– Придется мне тебя наказать, – вздохнула мама Рита. – Ты становишься просто катастрофически непослушной. Стань в угол.

Стоять в углу без дела было обидно и скучно. Алла подцепила ногтем краешек обоев и стала его потихоньку тянуть на себя.

– Алла, не испытывай наше терпение, – сказала баба Валя, – оставь в покое стену.

– Не оставлю.

– А вот мы сейчас посмотрим – оставишь или нет.

Баба Валя легонько стукнула ее по руке. Но в ответ услышала еще более ожесточенное:

– Хоть убей – не перестану, – и, рванув со всей силой, Алла отодрала от стены большой кусок обоев.

Подошла мама Рита.

– Что она делает, бессовестная. Прекрати сейчас же!

Алла заплакала, но снова потянулась к стене. Мама Рита шлепнула ее и повторила:

– Прекрати!

Девочка заплакала еще сильнее, но руки ее, как бы помимо воли, ухватили неровный край обоев.

– Прекратишь же ты, наконец!

Мама схватила дочь за плечи и потянула к себе. Алла не сопротивлялась, но край обоев не выпустила из рук. Большой кусок оторвался от стены и рухнул на пол. Угол был безнадежно испорчен.

– Что же это такое она со мной делает? – растерялась мама Рита и заплакала. – Будешь стоять, вредная девчонка, посередине комнаты, пока не осознаешь свой поступок. И в кого ты только такая уродилась?

«В меня, – грустно подумала баба Валя, – вся в меня». Она вспомнила, как ее в таком же возрасте отец лупил в коридоре около вешалки ремнем, а она, не обращая внимания на боль, упрямо резала ножницами мех отцовской шубы. Чем сильнее он ее стегал, тем ожесточеннее она кромсала шубу. Так и не уступила. «Нет, определенно она в меня», – еще раз подумала баба Валя и тяжело вздохнула. Характер девочки не предвещал ни ей, ни маме Рите спокойной жизни.

Пояс

– Да что же это такое делают с девочкой? – сказала баба Ната. – Я пятерых детей воспитала и трех внуков вынянчила и никогда у меня ничего подобного не было. Разве так можно?

Ее сухонькая фигурка выражала непонимание, губы были поджаты. Она осуждающе покачала головой и мелкими шажками прошла за ширму. Минут через десять она появилась оттуда в своем выходном платье с перламутровыми пуговицами и с чемоданчиком в руке.

– Ольга, я поеду на Никитинскую.

– Зачем это? – удивилась моя жена.

– Поживу там, Валентине помогу по хозяйству. За Аллочкой присмотрю, – виновато ответила бабушка.

– Всегда вы не вовремя придумываете, – рассердилась Ольга. – Вы же знаете, что эта неделя у меня трудная. Я не могу заниматься завтраками и обедами.

– Не держи меня, Ольга, пожалуйста, – попросила бабушка.

– Конечно, Бабулия, поезжай, – сказал я.

Ольга промолчала, и баба Ната, воспользовавшись паузой, юркнула в коридор.

Я не знаю, о чем думала моя жена в этот момент, а я вспоминал о том, как бабушка писала мне письма в Москву. Ей было восемьдесят два года, когда я учился на первом курсе. Во время каникул бабушка отвела меня в сторону и, конфузясь, попросила купить ей букварь. Меньше чем через полгода она научилась различать буквы, и я стал регулярно получать письма, начертанные огромными печатными каракулями, с чудовищными ошибками. Но для меня не было ничего дороже этих писем. В восемьдесят два года она выучилась грамоте, чтобы переписываться с внуком, подавать ему советы и узнавать без посторонней помощи, как он живет один в большом городе. Сейчас ей было девяносто лет, и она, озабоченно помахивая маленьким чемоданчиком, помчалась выправлять жизнь правнучки.

Ольга сидела и сердилась на бабушку, а я думал об удивительной связи между людьми старыми и молодыми, маленькими и большими, и

мне все сильнее и сильнее хотелось написать об этом книгу. Но я не знал, будет ли у меня когда-нибудь для этого возможность.

Бабушка вернулась домой так же неожиданно, как и ушла. Вид у нее был странно виноватый, выходное платье с перламутровыми белыми пуговицами потеряло свою элегантность и строгость, потому что было вместо широкого пояса с шестью золочеными дырочками было подпоясано тесемкой.

– Бабушк, а где же твой пояс? – удивился я.

Она засуетилась, ответила неохотно:

– Куда-то задевался. Аллочка, наверное, спрятала.

– Что это вы так быстро вернулись? – подозрительно спросила Ольга.

– Я вспомнила, что мне должны принести пенсию, – сказала бабушка и перевела разговор на другое: – По дороге я зашла на базар, купила цветной капусты. Пожарить на ужин?

Мы не стали ее больше ни о чем расспрашивать.

– Завтра сходим, узнаем, что там произошло, – шепнула мне жена.

Мы договорились встретиться после работы у кинотеатра, чтобы вместе навестить нашу непокорную девочку. Но в полдень вдруг раздался телефонный звонок, и Ольга грустным голосом сказала:

– Я не пойду.

– Почему?

– Боюсь, увидит меня и испугается. И как я, умная женщина, допустила такую глупость – стала раздевать девочку, чтобы доказать ей, что каждый должен честно относиться к своим обязанностям? Ведь для ребенка достаточно того, что он видит, честно или нечестно относятся к своим обязанностям его родители. Лучшего примера не придумаешь. Так ведь?

– Так, но почему ты не хочешь идти? Она уже давно забыла.

– Нет, нет, – сокрушенно ответила Ольга. – Ты не понимаешь. Тут есть одна тонкость. Она была убеждена, что я хотела ее голой выгнать на улицу. Ты зайди ко мне на работу перед тем, как пойдешь на Никитинскую. Я купила ей вязаную шапочку с двумя помпонами. Передашь и посмотришь, как она примет. Если обрадуется, тогда позвонишь, и я подъеду. Вызову такси и через пять минут буду.

– Послушай, что ты выдумываешь, – разозлился я. – У детей каждый день новое событие. Она давно забыла.

– Пойми же ты, я не хочу ее потерять, – сказала с досадой жена. – Я не хочу закреплять неприязнь, которая сейчас есть в ней ко мне. Если тебе трудно заехать за шапочкой, так и скажи.

Мне было нетрудно. Я, можно сказать, с удовольствием заехал за шапочкой и потом всю дорогу злорадно думал в такт дребезжащему трамваю о том, как осмотрительны становятся взрослые, когда выясняется, что они могут потерять любовь и уважение маленького человека. Шапочку купила и будет сидеть у телефона в ожидании того, как Алла примет подарок через посла.

Но вручить сверток мне не пришлось.

– Никаких подарков! Никаких шапочек, – громко сказала баба Валя.

Алла, увидев меня, обрадовалась, но суровые бабушкины слова помешали ей, как обычно, подбежать и повиснуть на мне. Она издалека поздоровалась со мной и спряталась в своей комнате.

– Что еще стряслось? – скучно поинтересовался я.

– Пусть она тебе сама расскажет, бессовестная. Маму свою обидела так, что та расстроенная на работу пошла.

– Сказала что-нибудь нехорошее?

– Плюнула. Она у нас теперь плюется, как верблюд. Она дождется, что я поднимусь и уеду в Астрахань жить к Иринке и тете Броне.

– Не надо, баба Валя, не сердись. Со всяким может случиться, – начал я ее успокаивать.

– Да? – иронически спросила она. – Ты бы посмотрел, как она вчера с бабой Натой поступила, тогда по-другому заговорил бы. Что-то ей не понравилось, и она заявила бабе Нате: «Уходи!» Та, конечно, обиделась. «Хорошо, я уйду», – и пошла к двери. Тогда эта маленькая тиранка забежала, загородила дорогу и заявляет: «Я говорю, в ту комнату уходи, к куклам».

– Правильно, – обрадовался я. – Она ее не прогоняла, а приглашала играть в другую комнату.

– Да? – опять спросила баба Валя. – Если ты ничего не понимаешь, то я не виновата. Защитник нашелся.

Я смущенно замолчал, заглянул в комнату, где спряталась моя племянница. Глазенки у нее забегали, когда она встретилась с моими глазами, плечи сжались.

– Аллочка, зачем же ты так обижаешь хороших людей?

Я подошел, выпрямил ей плечи и тут увидел на гвозде почти под самым потолком пояс бабы Наты с шестью золочеными дырочками.

– Нашелся? – обрадовался я. – Зачем вы его повесили так высоко?

– Он висит здесь, чтобы она знала, – объяснила баба Валя, входя к нам. – Она вчера довела всех до того, что баба Ната сняла пояс, протянула мне и попросила выпороть твою прекрасную подружку.

– Я его все равно спрячу, – мрачно пообещала девочка – Все уйдут, а я возьму и спрячу.

Пояс был повешен над кроватью Аллы с таким расчетом, чтобы она его видела, а достать не могла.

– Значит, первое, что радует ей глаза, когда она просыпается, это орудие порки? – спросил я.

– Да, – жестко ответила баба Валя. – Пусть помнит. Нас тоже учили ремнем.

Я ушел в плохом настроении. Дома в Березовой роще минут пять я не отвечал на вопросы Ольги и бабы Наты. Я накапливал в себе побольше злости и, когда молчать больше было нельзя, спросил, словно выстрелил из пистолета:

– А что же ты нам не все сказала про свой пояс?

– Как не все? – тихо сказала баба Ната, и половник в ее руке дрогнул.

– А так... Оказывается, твой пояс вовсе не потерялся. Ты сама сняла его... Ты же сама предложила выпороть Аллочку своим ремнем... Что ты так на меня смотришь?

Бабушка смешалась, задвигала взволнованно морщинистыми щеками.

– Кто тебе сказал? Валентина?

– Да. Кто же еще?

– А что же она тебе не сказала, что она попросила его у меня. Она сказала: «А ну-ка, баба Ната, дай твой пояс, сейчас мы выпорем ее».

– И вы, конечно, дали? – сказала осуждающе Ольга и отодвинула от себя тарелку с борщом.

– Дала, – виновато заморгала бабушка.

– Теперь твой пояс висит у них на ковре, как устрашение, – мрачно сообщил я. – Как Дамоклов меч над головой ребенка.

– Она же его спрятала.

– Нашли и повесили.

– Да зачем же они это сделали?

Баба Ната ужасно огорчилась.

– Вот, – сказала Ольга. – После этого она будет вас любить. Ждите.

Мы поели первое, а второго не дождались. Стукнула внезапно дверь в коридоре, Ольга пошла посмотреть, что там такое, и увидела на лестнице удаляющуюся бабушку.

– Наталья Елисеевна, вы куда?

– За поясом.

– Подождите. Узнайте там, отдали ей шапочку с помпонами? И что она сказала.

Баба Ната ничего не ответила и не обернулась. Она очень спешила. А в это время на Никитинской назревало новое событие.

Алла подтащила к своей кровати стул, взгромоздила его прямо на одеяло, подперла с двух сторон подушками и полезла за поясом. Грохот падающего стула и звонок раздались одновременно. Мама Рита побежала открывать дверь, а баба Валя ринулась в спальню. Пронзительный крик и затем плач всколыхнули сонную тишину в квартире. Мама Рита открыла бабушке дверь и тоже кинулась в спальню.

– А мне не больно, не больно, – повторяла девочка, не выпуская пояса бабы Наты из рук.

– Где ушиблась, где? – подхватила ее испуганно с пола мама Рита. Она торопливо ощупывала дочь и старалась заглянуть ей в глаза.

– Уйди, мне не больно, не больно. Уйди, ты мне делаешь больно.

– Здесь больно, да?

– Аллочка, зачем же ты упала? – склонилась баба Ната. – Дай мне мой пояс.

– Не отдам, я его выброшу в окно. Уйдите от меня все, мне не больно, не больно!

Но от каждого прикосновения ласковых маминых рук к локтю и ноге девочка вскрикивала и начинала плакать с новой силой.

Спала она в эту ночь плохо. Под утро, сажая ее на горшок, баба Валя погладила внучку по голове и спросила:

– Что же ты не спишь? Рука болит?

Алла никак не отозвалась на ласку и, посидев на горшке, вдруг печальным взрослым голосом сказала:

– Боже мой, что же мне делать? Куда уехать?

Бабантопула

Баба Ната забрала свой пояс с шестью золочеными дырочками, злополучное падение со стула и с кровати забылось, коленка и локоть зажили. Тетя Леля наконец вручила свой подарок – вязаную шапочку с двумя большими помпонами. Алла ходила в Лелиной шапочке, ела с удовольствием испеченные бабой Натой ватрушки, но все заметили, что к Леле и бабе Нате девочка стала относиться немного иначе, чем раньше. Чужие люди не обратили бы внимания, но мы все сразу почувствовали, что она нарочно глупеет в их присутствии.

– Аллочка, как твои дела в детском садике? – спросила баба Ната.

– Не знаю, – пожала она плечами, – спроси у мамы или у бабы Вали.

– Я у тебя спрашиваю.

– А я не знаю, я ничего не знаю. Я еще маленькая.

И пошла из кухни.

Баба Валя поймала ее за руку и остановила:

– Куда ты идешь? Видишь, с тобой бабушка разговаривает, а ты ей подставляешь спину.

– А если я правда не знаю.

– Что не знаешь?

– Что отвечать, не знаю.

– Аллочка, а почему ты у меня раньше спрашивала, как мое здоровье, а теперь не спрашиваешь? – все так же дружелюбно и чуточку заискивающе сказала баба Ната.

– Спроси у нее про здоровье, – шепнула мама Рита дочери.

– А чего? Про чего? Про чего спросить? Я не знаю, – опять пожала плечами девочка.

Это было упрямство дипломатическое, безнаказанное, и нам всем оставалось только вздыхать и ждать, когда Алла снова станет относиться к бабе Нате с детской непосредственностью. Но Леля ждать не хотела.

– Подойди-ка сюда, маленький хитрец-огурец, – сказала она.

– Что такое хитрец? Я не понимаю.

– Все ты понимаешь. Бабушка интересуется новостями. Какие новости у вас в детском саду?

– Никаких.

– Целую неделю не была и – никаких.

– Да... Только в другом ящике раздеваюсь.

– А говоришь, нет новостей.

– Разве это новость? Для кого новость, а для кого – нет.

– Для кого же новость? – с легкой иронией спросила Леля.

– Для тебя новость, а для меня – нет, – ответила Алла.

– Вот ты как со мной разговариваешь, – огорчилась моя жена. – Я к тебе всей душой, а ты за каждым словом пожимаешь плечами.

– Они самижимаются. Я виновата, что ли?

– Ну, ладно, я не обижаюсь. Я умею не обижаться. Давай с завтрашнего дня начнем жить по-другому. Я возьму билеты в ТЮЗ, пойдем смотреть «Конька-горбунка». Пойдем?

– Я не понимаю, – сказала девочка и с подчеркнутой наивностью посмотрела в глаза Леле.

– Чего ты не понимаешь? – рассердилась баба Валя. – Тебе задают прямой вопрос, вот и отвечай на него.

– Я не понимаю, что такое ТЮЗ, – пожалала девочка плечами.

– Вот как, не понимаешь? Дурочку ты строишь. Раньше понимала, а теперь разучилась. Иди в соседнюю комнату, постой там часок, подумай, может, вспомнишь, что такое ТЮЗ.

– Ладно, – сказала Аллочка. – Я пошла.

На пороге комнаты она остановилась и сказала, обращаясь к маме Рите:

– Там темно, зажги свет.

Мама Рита зажгла, и девочка скрылась за дверью с упрямо поднятой головой и, как мне показалось, даже с радостью, что избавилась от вопросов бабы Наты и тети Лели.

Эта упрямо поднятая голова рассердила бабу Валю.

– Так и знай, – крикнула она, – если ты будешь так себя вести, я встану ночью и уйду, куда глаза глядят. Надоели мне твои выходки. От горшка два вершка, а не подъедешь на козе. Так и знай: встану ночью и уйду.

Без девочки в комнате стало скучно. Настроение у всех испортилось. Тетя Леля вызвала по телефону такси, и мы вскоре

уехали.

Прошло несколько дней, забылось и это происшествие, затянулось корочкой времени, как ссадина на коленке. У каждого из нас были дела поважнее. У меня новая книга, для которой я никак не мог придумать названия. У тети Лели – новое платье. Портниха сделала что-то не так, и дома у нас только о платье и говорили. Баба Ната потеряла пенсионную книжку и с утра до вечера шарила палкой под диваном и шкафами. У мамы Риты побаливал бок. Она никому о своей болезни не говорила, но все время об этом думала. Баба Валя выращивала помидорную рассаду и ничего не замечала, кроме своих ящиков и плошек. Она так о них беспокоилась, что даже ночью просыпалась, чтобы посмотреть на градусник.

В эту ночь баба Валя в четвертом часу утра решила внести ящики с балкона в комнату, чтобы рассаду, не дай бог, не прихватило морозцем. Она накинула пальто на плечи и осторожно, чтобы не скрипели половицы, двинулась к балконной двери. Но не успела сделать и двух шагов, как из комнаты Аллы раздался ясный, словно она и не ложилась спать, голос девочки:

– Баба Валя! Баба Валя!

Алла сидела на кровати, опершись обеими руками на подушку и тревожно вглядываясь в темноту.

– Ты чего не спишь? – шепотом спросила баба Валя. – Ложись сейчас же. Спи!

– А ты куда идешь?

– На балкон за рассадой. Спи!

– Я не хочу, я с тобой.

– Спи, глупая, куда ты со мной пойдешь? Дети должны по ночам спать. Я внесу рассаду и тоже буду спать.

– Знаешь, – сказала девочка, поймав ее за руку, – я завтра встану и буду хорошей. Надоело мне быть плохой.

– Спи, – еще раз сказала баба Валя, погладила внучку по голове и на цыпочках вышла из комнаты.

На другую ночь все повторилось. Мама Рита поднялась, чтобы выпить таблетку анальгина, и девочка тотчас же вскинулась.

– Баба Валя! – позвала она.

– Это я, зайчик, что ты хочешь? Пить? На горшок?

– Ничего, – ответила девочка и уронила голову на подушку.

Утром во время завтрака мама Рита и баба Валя разглядывали Аллу с сочувственным вниманием, как разглядывают больного человека.

– У тебя головка не болит? – спросила баба Валя.

– Нет.

– Может быть, в боку колет или где-нибудь еще? – заглянула в глаза дочери мама Рита.

– Нет, нигде не колет.

– А почему же ты, зайчик, так часто просыпаешься и спишь беспокойно?

– Я по ногам просыпаюсь.

– По чему? – изумилась баба Валя.

– По твоим ногам. Ты же сказала, что уйдешь от меня ночью, если я буду плохо себя вести. Вот я и просыпаюсь.

– А ты води себя хорошо и спи спокойно, – предложила баба Валя. – Мне тогда никуда не нужно будет уходить.

Аллочка с минуту оценивала ее слова и свой характер и, видимо, придя к выводу, что не сумеет вести себя всегда хорошо, сказала со вздохом:

– Нет, лучше я буду просыпаться.

И только тут обе женщины, бабушка и мама, поняли, какие они слепые и забывчивые. Их девочка не была больна, она каждое утро вставала с постели невыспавшейся. Она бодрствовала по ночам, вскидывалась на каждый шорох, боясь, что ее любимая Бабантопула выполнит угрозу и уйдет куда глаза глядят. Она каждый раз вскидывалась, чтобы задержать ее, не пустить.

– Ты не хочешь, чтобы я ночью ушла, пока ты спишь? – восхитилась баба Валя. – Ты меня так любишь, моя маленькая?

– Нет, уже не так, – вдруг ответила девочка и отстранилась.

– Почему не так?

– Потому что ты злая.

Это было произнесено с такой уверенностью, что обе женщины опешили и некоторое время разглядывали девочку с новым выражением в глазах.

– Если ты будешь так говорить, то баба Валя и в самом деле уйдет от нас, – сказала мама Рита.

– А я не пущу. Я проснусь и не пущу.

Но в этих ее словах не было страсти и непреклонной воли, и прозвучали они как-то безлико, почти равнодушно, словно Алла произнесла заученную фразу. Она и сама удивилась своему равнодушию и поэтому повторила, стараясь убедить себя в том, что она этого хочет:

– Нет, правда, я обязательно проснусь и не пущу. Я умею просыпаться сколько угодно. Я всегда проснусь.

И она действительно собиралась и следующую ночь спать чутко. Но от долгого испытания воли что-то сломалось в ее внутренних часах. Она устала бояться, что баба Валя уйдет, и впервые за две недели спала глубоко и отрешенно, как в обмороке, не слыша ничьих шагов и не ощущая прикосновения рук мамы и бабушки, поправляющих подушку и одеяло. Она освободилась от своей тревожной любви к Бабантопуле и могла спать спокойно.

Кулачок

Мы теряли нашу маленькую девочку на глазах друг у друга: сначала тетя Леля, потом баба Ната, баба Валя, отчасти мама Рита. Один я оставался в неизменно прекрасных отношениях с Аллочкой. Мне было неловко перед остальными за то предпочтение, которое она отдавала мне, и я старался не очень афишировать нашу дружбу. Я реже стал носить ее на плечах, не сажал больше на сервант, за обедом занимал место по другую сторону стола или садился через одного человека. Мы изобрели другой способ для выражения своих чувств – игру в кулачок.

Как-то, когда я уже одетый стоял в коридоре, ко мне подбежала моя племянница и протянула крепко сжатую руку:

– Разожми на прощание, тогда пойдешь.

Меня поразили побелевшие пальцы. Она изо всех сил их сжимала. Конечно, я мог бы их отогнуть от ладошки с такой же легкостью, как лепестки тюльпана от сердцевины, цветка, но я сделал вид, что для меня это испытание не простое. Большой палец разжал сразу, а с остальными пришлось минуты две повозиться. Алла была довольна.

– Если бы одной рукой, ни за что не разжал бы, – сказала она.

– Да, одной рукой не получилось бы. И так сколько провозился. Теперь придется бегом бежать, чтоб не опоздать на собрание.

– Иди, – подтолкнула она меня к двери. – Ты на трамвай сядь. Пока, пока!

Я побежал вниз по лестнице сломя голову, хотя до начала собрания оставалось еще много времени, и я мог не торопиться. Мне было радостно, что между мной и девочкой существуют доверительные отношения.

В другой раз меня ожидало еще более «суровое» испытание.

– Разожми кулак на прощание. Тогда пойдешь. Только, чур, два раза. Сначала этот, потом этот.

Она сжала обе руки и протянула мне их.

– Ладно, – согласился я. – Сейчас оденусь, тогда разожму.

– Нет, – запротестовала девочка. – Ты сначала разожми. А то вдруг оденешься и не разожмешь.

Она была убеждена, что с двумя-то кулачками я так быстро не справлюсь и тогда по условиям игры останусь еще на час или два.

Я без улыбки подчинился, и мне в самом деле понадобилось какое-то время, чтобы разжать кулачки. Один палец отогнешь, возьмешься за другой, а первый уже опять прилип к ладошке. Я старался не сделать больно и брал ее пальцы в свои с необходимой осторожностью. В конце концов мне все же удалось раскрыть побелевшие кулачки и ощутить прикосновение маленьких ладошек, теплых и ласковых. И с того дня я каждый раз вместо одной руки разжимал две. События шли своим чередом, а мы с Аллой играли в нашу игру своим чередом. Я разжимал ее кулачки и на развалинах Глиммингенского замка, и когда на стену был повешен пояс бабы Наты, и позднее, когда баба Валя неосторожно пообещала ночью уйти из дома. Можно сказать, что мы с ней все время незаметно держались за руки.

В тот день я пришел на Никитинскую с книжкой про динозавров. Алла слышала о существовании древних чудовищ еще от Дениски, потом от дяди Телевизора и попросила что-нибудь почитать ей про динозавров. Я очень дорожил вниманием и доверием девочки, я дружил с ней на равных, выполнял все просьбы с мальчишеской готовностью, но забыть, что я взрослый человек, так до конца и не сумел. Наверное, это потому, что, пока в сердце царит радость, мы счастливы и молоды и можем дурачиться и резвиться, как дети, но стоит произойти какой-нибудь неприятности, как сразу на плечи наваливаются года, и чувствуешь себя разбитым и старым.

Я пожалел, что зашел на Никитинскую в плохом настроении. Мне очень трудно было притворяться веселым и [разговаривать о динозаврах, в то время как я думал совсем о другом. Совершенно неожиданно выяснилось, что я больше не член редколлегии журнала и мне не надо спешить на очередное заседание. Я узнал, что люди, которых я уважаю, проголосовали против меня. Они объяснили, что поступили так в моих же собственных интересах, учитывая, что я очень занятый человек и что мне некогда читать чужие рукописи. Я сам не считал себя очень занятым человеком. Дело тут было в чем-то ином. Может быть, им кто-нибудь рассказал, как я вымазал себе лоб зеленкой на дне рождения у племянницы, и они сочли меня несерьезным человеком.

Я был озабочен своими мыслями и говорил все невпопад. Мне лучше было уйти домой.

– Разожми кулак на прощание, – как всегда подбежала Алла.

Засовывая руку в рукав пальто, я попытался отмахнуться.

– Некогда мне, Аллочка, я тороплюсь.

– Нет, разожми, – потребовала она и ухватилась за второй рукав, чтобы не дать мне одеться.

Оценив ее настойчивость, я на минуту расслабился, сел в кресло и покорно сказал:

– Ну, давай.

Она протянула кулачок, я машинально взял его и без труда, отвечая на какой-то вопрос бабы Вали, быстро разжал.

– Он тебе сделал больно? – вдруг спросила баба Валя.

– Нет, – не поворачивая головы, ответила девочка.

– Я тебе сделал больно? – всполошился я. – Не может быть. Я не мог тебе сделать больно. Я тебе сделал больно?

– Нет, – еще решительнее ответила она и, когда я хотел прикоснуться к плечу, дернула им и отошла в глубь комнаты.

Вспомнив свое машинальное движение, я догадался, что ей не было больно. Просто она поняла, что, разжимая с трудом ее кулачки, я только делал вид, что мне трудно. Конечно, она знала, что я сильнее, но не подозревала, что я сильнее настолько, что без всяких усилий могу взять ее маленькую ладошку и раскрыть. Ей было обидно, что я нарушил правила игры, что я обманывал ее столько времени. Я разжал кулачок, даже не глядя в лицо, а разговаривая о чем-то постороннем с бабой Валей. Желая исправить оплошность, я подхватил Аллу на руки и, говоря что-то веселое про динозавров и маленьких девочек, потанцевал с нею вокруг стола. Я даже стишок сочинил на ходу, чтобы загладить свою взрослую нечуткость.

Бейте в медные литавры
И в кастрюли, и в тазы,
Просыпайтесь, динозавры,
Надевайте картузы,
Приходите к нам оттуда,
Где ваш крик давно затих,
Дети ждут такого чуда,

Не обманывайте их

Но мне не удалось рассмешить Аллочку.

– Вот сейчас я тебя возьму под мышку, как портфель, и унесу с собой на улицу, – пошутил я.

– Ну и уноси, – ответила она, старательно отводя взгляд в сторону.

– Ладно уж, оставайся с бабой Валеёй.

Мысли о журнале не оставляли меня и в этот момент. Я опустил Аллочку на пол, быстро оделся и, желая поскорее остаться один, вышел на улицу.

Дверь за мной захлопнулась, и щелчок английского замка послужил как бы сигналом для Аллы. Она заплакала.

– Ты что плачешь? – спросила баба Валя.

– Хочу и плачу.

– Он тебе больно сделал? Больно разжал кулачок?

– Нет.

– А чего же ты тогда плачешь?

– Он хотел меня раздетую унести на улицу.

Она хорошо знала, что это не так, но ей была нужна причина для слез. Сказав и сама поверив в то, что я хотел ее раздетую унести под мышкой на улицу, она расплакалась еще пуще, разрыдалась, и баба Валя долго ее не могла успокоить.

Несколько дней я не напоминал Аллочке про кулачок. Я старался все сделать, чтобы неприятные воспоминания поскорее выветрились из ее сознания. Я часами складывал с ней мозаичные картины из разноцветных пластмассовых кнопок, я смотрел с ней все мультфильмы по телевизору, до одури играл в прятки. Мне удалось на какое-то время вернуть девочку в прежнее доверчивое расположение духа. Она расшалилась, забылась и, словно не было никакого инцидента, азартно крикнула:

– Дядя Эй, а ты что-то забыл.

– Что я мог забыть? – удивленно оглядел я комнату и пощупал свой берет на голове и пальто. – А-а-а! Я забыл разжать кулачок.

– Нет, – сказала Алла, хотя я видел «да», именно это она имела в виду.

– Нет, забыл, я знаю. Давай на прощание разожму.

– Не надо.

Она отошла от меня и спряталась за креслом, чтобы я не подумал разжимать кулачок насильно. Я успел заметить, прежде чем она спряталась за спинкой кресла, что Алла стиснула машинально обе ладошки и держала их наготове.

– Что же я мог тогда забыть? – огорченно спросил я.

– Не знаю, леденцы, – вдруг нашлась она.

– Какие леденцы?

– Вот.

Она схватила из жестяной коробочки на столе слипшийся комочек разноцветных леденцов и протянула его мне издалека, с опаской.

– Спасибо, – уныло поблагодарил я.

На улице я сунул леденцы в рот, они были кисло-сладкие, но мне показались горькими. Трепетная тоненькая ниточка, связывающая наши руки еще с того памятного обеда, когда мы так великолепно шалили за столом, оборвалась. И я с грустью подумал, что если даже мне удастся ее снова связать, на ней останется заметный узелок.

Автобус

Внешне ничего не изменилось. Тетя Леля, баба Ната, мама Рита и даже баба Валя по-прежнему считали, что я доверенное лицо Аллочки. Они все старались действовать через меня, когда считали себя бессильными.

– Дядя Эй, скажи моей дочери, что я не могу подарить ей ко дню рождения собаку. У нас маленькая квартира. Объясни ей, она тебе поверит, – просила мама Рита.

– Сережа, спроси у Аллочки, какой ей хочется конструктор. А я куплю с пенсии, – шептала мне на кухне баба Ната.

– Слушай, а если мы достанем путевки в Коктебель и возьмем Алку с собой? – спрашивала моя жена. – Поедет она с нами? Поинтересуйся ненароком.

– Не мог бы ты растолковать нашей барышне, что я вовсе не злая, а требовательная? – спрашивала баба Валя, и прятала свое смущение за клубами папиросного дыма. – А то черт знает что получается. Ты же детский писатель. Найди нужные слова. Не хочу я быть бабой Ягой в глазах своей внучки.

Я старался выполнять добросовестно все посольские поручения. Мне не хотелось признаваться в том, что я допустил обычную ошибку взрослых. Только в отношениях с детьми мы позволяем себе такое... Играем, пока нам это нравится, убеждаем человека в коротких штанишках в своих серьезных намерениях, а затем отстраняем, как ненужную вещь, своего маленького друга. И вылезают наружу фальшь и обман. И дети начинают понимать, что мы картавим и шепелявим не потому, что нам это свойственно, а чтобы подделаться под них, не умеющих еще разговаривать.

Никакое самое взрослое огорчение – не причина для того, чтобы взять в руки кулачок-цветок и обломать ему лепестки.

Аллочка не переменилась резко ни к одному из нас. Она незаметно пережила несколько детских разочарований, равных по силе эмоционального взрыва нескольким трагедиям, и в результате этого переменилась сама, стала немного другой, более скрытной, менее доверчивой. Если раньше ее можно было завоевать при помощи одной

улыбки, то теперь требовались более веские доказательства дружеского расположения.

Я не понимал этого тогда, как понимаю сейчас. Не понимала этого и тетя Леля, баба Ната, баба Валя и мама Рита. Но все мы инстинктивно почувствовали, что теряем доверие девочки, и принялись возвращать его при помощи щедрых подарков. Баба Ната на всю свою пенсию купила конструктор, из которого можно было построить и самолет, и паровоз, и мельницу. Тетя Леля не ограничилась беретом с помпонами. Она купила беличью шубку, шар-крик, варежки, плюшевого медведя, который был больше самой Аллочки. Я с гонорара за книгу, изданную в Москве, приобрел двухколесный велосипед «Школьник». Меня не смущало, что она не могла на нем пока кататься. Пусть полежит два-три года, главное – поразить воображение.

Мама Рита пыталась протестовать, но мы очень быстро сломили ее сопротивление. Характер у моей сестры за эти годы немного изменился, к тому же она потихоньку от всех болела, и ей было просто не до того.

Баба Валя тоже предприняла некоторые шаги. Она взяла с собой внуку в сад. Было довольно прохладно, но она одела Аллочку потеплей, подхватила в одну руку ящик с помидорной рассадой, другую протянула девочке и, как она любила выражаться, с двойным грузом двинулась в путь.

На автобусной остановке она купила ей мороженое, потом стакан семечек. Это была для бабы Вали неслыханная щедрость.

В автобусе, следующем по маршруту Бензоколонка – Сады, не принято было уступать место. Хочешь ехать с удобствами – оставайся на остановке и жди следующую машину. Бабушке и внучке пришлось стоять около кабины водителя под изучающими взглядами всех пассажиров. Автобус немного мотало на ухабах, и девочка все время при этом хваталась за карман, который доверху был набит жареными семечками. Она прикрывала карман ладошкой и совсем не собиралась грызть семечки. Но как-то получилось, что рука сама взяла одну, потом другую, пятую, десятую. Старик в капроновой шляпе, держащий между колен саженец яблоньки, не выдержал:

– Нехорошо, нехорошо грызть семечки в автобусе.

– Я только одну, – тихо сказала Алла и опустила глаза.

И тут же машинально, в глубоком смущении опять достала из кармана семечку и сунула в рот.

– Ну и дети пошли, – сказала толстая женщина с ведром, накрытым рогожей. – Им делают замечания, они опускают глаза и трескают семечки, как ни в чем не бывало.

– Девочка, – приподнялся в середине салона худой гражданин с выпученными, как у рыбы, глазами. – Почему ты не слушаешься старших?

– Она ждет, когда ей бабка скажет, – сказал старик с саженцем.

Автобус шатнуло, гражданин селедочного вида плюхнулся на сиденье, Аллу на секундочку оторвало от поручня кабины водителя. Она инстинктивно схватилась за него другой рукой, в которой были шкурки от семечек.

– Видали... Она еще пол посыпает шелухой, – сказал муж толстой женщины с ведром. – Какая нехорошая девочка. Воспитывать надо, воспитывать.

– Только не всем автобусом, – сказала баба Валя.

Ее слова взорвали пассажиров. Только что мирно беседующие о видах на урожай клубники и о парниковых огурцах, садоводы закричали с возмущением, загалдели, заглушая друг друга и шум мотора.

– Вот они плоды воспитания. Слышали, как она сказала?

– Их детки будут какать на пол автобуса, а им слово сказать не смей.

– Что вы привязались к девочке? – возмутился длинноволосый парень в очках и в куртке с нашивкой какого-то учебного заведения.

– Правда, что вы граждане, – поддержал его старик, который первым сделал Аллочке замечание.

– Смотрите, защитнички объявились, – завизжала баба с ведром.

– А старику непростительно защищать безобразие, – крикнул гражданин селедочного вида.

– Они хиппи. Один патлы отпустил, другой бороду. И поют в одну дудку.

Вмешались с той и с другой стороны еще несколько человек, перепалка стала всеобщей. Про Аллочку забыли, спорили, кричали, орали, доказывали друг другу свои педагогические принципы. И вдруг на остановке сразу все смолкли. Баба Валя тоже не заметила, как это

произошло. Воспользовавшись тем, что шофер притормозил, чтобы подобрать на дороге двух пассажиров, Алла юркнула в приоткрывшуюся щель двери, скатилась по ступенькам на асфальт и побежала с дороги в поле, спасаясь от орущего, возмущающегося, грозящего чем-то страшным автобуса. Маленькая фигурка среди вспаханных комьев земли казалась трагически нелепой в своем стремлении бежать быстро. Она спотыкалась, падала, проваливаясь ногами и руками в рыхлую землю.

– Алка, остановись! Алка, ты что, с ума сошла? Остановись, тебе говорю!

Баба Валя настигла ее, прижала к себе, отряхнула курточку, колготки. Автобус ошеломленно безмолвствовал. Стукнула дверца кабины. Шофер спустился на землю, подошел к кромке шоссе. Алла увидела его из-за бабы Вали и еще теснее к ней прижалась:

– Я не поеду, не поеду.

– Ну, что ты, что ты, глупая, обыкновенный автобусный скандал. Успокойся.

Но девочка не успокаивалась, и баба Валя, обернувшись, зло махнула рукой шоферу:

– Езжайте, мы с вами не поедем.

Шофер неторопливо, словно бы нехотя, вернулся к машине, заглянул в салон к пассажирам, что-то сказал им. Через минуту или две длинноволосый парень в очках вынес ящик с помидорной рассадой и бережно поставил на асфальт у обочины шоссе. Потом он так же нехотя и виновато, как шофер, вернулся к машине, и автобус, заурчав, медленно тронулся с места.

Алла успокоилась, даже нарвала у обочины букетик желтеньких одуванчиков. Минут через пятнадцать подошел другой автобус. Баба Валя хотела посадить внучку в дверь, но Аллочка прижалась опять к своей Бабантопуле и умоляюще попросила:

– Не поедем, пожалуйста. Я не хочу в сад. Бабушка, миленькая, не поедем никуда.

Уехала без них и эта машина. Баба Валя оставила на обочине ящик с рассадой, и пошли они с Аллочкой домой пешком.

Мамочка

Дома оставалась мама Рита. Она должна была приготовить обед, но никакого обеда бабушка и внучка не нашли.

Позвонила соседка, баба Зина с первого этажа.

– Вы не волнуйтесь, пожалуйста, – сказала она. – Вашу Риту... Только вы не волнуйтесь, пожалуйста. Ничего страшного. Обыкновенный приступ. Сделают операцию, и все. Вашу Риту забрала «скорая помощь».

– Что? В какую больницу?

– В областную, клиническую. Вы не волнуйтесь. Там хорошие хирурги. Они подозревают аппендицит, а аппендицит теперь – все равно что насморк. Вырежут, и все.

Аллочка смотрела на бабу Зину непонимающими глазами. Она не успела пережить до конца автобусную историю. Маму увезли на «скорой помощи» в больницу. Значит, завтра они не пойдут в магазин «Природа» за аквариумом. Вот о чем она подумала. Опять мама не сдержала своего обещания. Собаку обещала – не купила. Чижа обещала – тоже не купила. Собаку, правда, она не очень обещала, сказала только:

– Подумаем...

И, понимая, что за этим уклончивым ответом скрывается пустота, Алла на следующий день пожаловалась мне:

– У меня совсем нечеловеческая жизнь. Я так хочу собаку или котенка маленького. Хоть что-нибудь нечеловеческое.

– Может, на чижике сойдемся? – предложил я. – Собака вырастет большая, ей станет тесно в вашей квартире.

– Сойдемся, – согласилась девочка. – Я пойду спрошу у мамы, сойдемся или нет. – И она крикнула в другую комнату: – Мама, а можно, у меня будет чижик?

– Какой чижик?

– Птица такая. Поет... Дядя Эй, она поет, да?

– Птица – другое дело, – сразу согласилась мама Рита. – Птицу я тебе охотно куплю. Только сама будешь ухаживать.

– Ловлю на слове, – обрадовался я, – завтра я зайду за вами рано утром. Завтра – птичий базар.

– Заходи, заходи, – засмеялась моя сестра.

Но когда я на другой день зашел за ними, то увидел, что Аллочка сидит в кресле грустная, подперев подбородок коленями и обняв себя за ноги. А мама Рита сердито шваркает по полу мокрой тряпкой.

– Опять поссорились?

– Нет, просто не сошлись во мнениях, – ответила моя сестра.

– В чем именно?

– В чижики, – вздохнула Алла. – Мама не хочет, чтобы он летал по комнате. Она хочет, чтобы он сидел в клетке, как тигр. А мне его жалко. Я не хочу, чтобы он сидел в клетке. Я совсем нечеловеческий ребенок. Мне их так жалко.

– Кого их?

– Всех нечеловеков, – опять вздохнула она, – которые сидят в клетках.

Мы не поехали на птичий базар, и в доме не появилось ни собаки, ни птицы чижики. Но жажда иметь что-нибудь «нечеловеческое» не проходила, и мама Рита предложила рыбок. Аквариум тоже напоминал клетку, но тут совсем другое дело, рыбки не могут жить без воды, а воду надо же во что-нибудь наливать. Алла согласилась, потом стала с нетерпением ждать воскресенья. И вот, здравствуйте, мама в последний день заболела, опять обманула.

Сообщение соседки о предстоящей операции не очень сильно испугало девочку. Гораздо сильнее была обида на автобус, на взрослых людей. И особенно на маму Риту, которая всегда несправедливо поступает. Под словом «всегда» Алла подразумевала не давнишнее приказание считать розовый бант красивее голубого, не многочисленные наказания, а то, что было вчера и сегодня.

Вчера мама Рита пришла с работы хмурая, озабоченная. Аллочка к ней подбежала и радостно сообщила:

– Мама, дядя Эй принес мне новую книжку. Почитай.

– Ты что, Аллочка? Видишь, я только пришла. Еще не разделась даже, – последовал ответ.

Девочка подождала, когда мама снимет пальто, шляпу, и опять пристала:

– Мама, почитай.

– Аллочка, я только пришла с работы. Я должна же поесть.

За ужином зашел разговор о балетной школе, в которую поступила учиться Лариса, и Алла забыла про книжку. Она вспомнила, что книжка так и осталась неп прочитанной, когда подошло время умываться и ложиться спать.

– Мама, ты же забыла мне почитать. Почитай перед умыванием

– Поздно, Аллочка. Пора ложиться спать.

– Ну, почитай, ты же обещала.

– Нет.

– Почитай, почитай, почитай!

– Нет Я сказала нет!

Алла раскапризничалась, сказала сквозь слезы:

– Я в тебя сейчас башмаком брошу.

Мама Рита очень рассердилась, но в этот момент у нее вспыхнула такая острая боль в боку, что она даже не шлепнула дочь и ничего ей не сказала.

Соседка стояла перед бабой Вале́й и Аллочкой и сокрушенно повторяла:

– Вы только не волнуйтесь. Вырежут, и все. Вырезать для них теперь ничего не стоит. Вырежут, и все.

– Где моя мама? – вдруг спросила девочка.

До нее дошел смысл волнения соседки и бабы Вали.

– Она скоро приедет. Ее повезли немного полечить, – объяснила баба Зина.

– Я хочу к ней.

– Завтра поедете с бабушкой и навестите ее в больнице. Яблок ей повезете.

– Я хочу сейчас, – заплакала девочка. – У меня была хорошая мамочка. Она иногда со мной играла и читала мне книжки. Моя любимая мамочка!

Обе взрослые женщины со страхом посмотрели на девочку, повзрослому вдруг запричитавшую:

– Моя любименькая, хорошая мамочка. Она покупала мне самые лучшие игрушки.

В ее словах прозвучало отчаяние одинокого ребенка, потерявшего самого близкого человека.

– Что ты воешь, как волк на луну? – крикнула баба Валя. – Прекрати сейчас же.

– Моя любименькая мамочка. Она самая хорошая. Я не останусь в твоём доме, баба Валька. Я хочу к мамочке. У меня была очень хорошая, самая лучшая на свете мамочка. Она хотела мне купить рыбок, моя мамочка.

– Замолчи! – опять крикнула баба Валя. – Что ты ее хоронишь, глупая!

Но Аллочка не могла замолчать. Она внезапно осознала всю безмерную любовь к самому дорогому и единственному для нее человеку на свете, к мамочке. Слезы застилали ей глаза, она их не вытирала, смотрела горестным взглядом на расплывающийся перед нею, как в тумане, мир, на расплывающиеся в горячих слезах силуэты бабы Вали и бабы Зины и продолжала с отчаянием причитать, находя все новые и новые слова для выражения своей любви к мамочке.

– Пусть выплачется, не мешайте ей, – шепотом посоветовала соседка.

И Алла плакала слезами горя, после которых дети взрослеют.

Мама Рита вернулась через три недели из больницы слабая, бледная. Передвигаясь медленно от двери к дивану, она виновато улыбалась и с откровенной радостью опиралась на плечо дочери, которое та ей старательно и серьезно подставляла.

Девочка сама ее уложила в постель, сама укрыла одеялом, поправила подушку.

– Ты лежи, а я тебе прочитаю сказку по картинкам. Знаешь, какая интересная сказка.

– Черт возьми, – оказала баба Валя с завистью, – мне, что ли, заболеть.

– Лучше не надо, – сказала счастливая мама Рита и ласково положила руку на голову дочери.

Они были в этот момент вдвоем. Мы для них существовали постольку, поскольку находились в той же комнате.

Буква Ф, Ф, Ф

Спустя какое-то время я понял, что баба Валя, баба Ната, тетя Леся и я – все мы откровенно соперничали с мамой Ритой, пытались отбить у нее Аллочку. Каждый считал себя более достойным для того, чтобы взять ладошку девочки в свою руку. Мне это удалось лучше других благодаря придуманной нами игре в кулачок. Но стоило сделать одно неверное движение, и ладошка Аллы выскользнула из моей руки. А мама осталась мамой, даже превратилась в мамочку, несмотря на то, что отказалась купить собаку и чижика и много раз была излишне строга и несправедлива.

В тот день, когда я это понял, я пришел на Никитинскую с сознанием своей вины. Алла сидела за столом, выводила в тетради буквы. Она занималась в подготовительной группе, готовилась к поступлению в школу. Старательно высунув язык и склонив голову, она заполняла вторую строчку буквой Ф.

Баба Валя сердито попыхивала папиросой и не смотрела на свою внучку.

– Что это ты так надымила? – спросил я.

– Внучка мне удружила. Принесла пачку папирос, кури, дескать, бабка, захлебывайся дымом.

– А где же она их взяла?

– Нашла в кладовке. Раньше прятала, а теперь нашла и принесла. Кури, бабка, кашляй, надрывай легкие, не жалко.

– Сама говорила, нет папироски, – обиженно протянула девочка.

– Вот-вот, спасибо, – закашлялась баба Валя.

– В самом деле, если ты сама просила, то при чем тут Аллочка? Сама просишь, а потом обижаешься. Она же не заставляет тебя курить?

– Ты не понимаешь, что ли, что я говорю? Раньше она прятала мои папиросы, заботилась о бабке, а теперь находит и отдает. Кури, дескать, не жалко тебя, старую развалину.

– Она вовсе так не думает.

– Я так не думаю, – подтвердила Алла.

Она заполнила вторую строчку буквой Ф и приступила к третьей. Моя племянница была так старательна, что в конце концов это меня стало обижать.

– Я к тебе пришел в гости, а ты занимаешься и не обращаешь на меня никакого внимания.

Она пожала плечами:

– Смотри на меня, пожалуйста.

Сказала и перешла на четвертую строчку. Но ей надоело выписывать букву Ф, и Алла принялась пририсовывать к палочке крылья подлиннее и попричудливее и вместо букв у нее стали получаться бабочки.

Мы с бабой Валею могли сколько угодно обижаться и злиться на равнодушные девочки, в котором сами же и были повинны. Алла доказала мне свою преданность. Подражая прекрасно сутулому дяде, она тоже стала сутулой. Но для того, чтобы снова испытать радость дружбы с девочкой, для того, чтобы влиять на нее, воспитывать ее, мне предстояло заново завоевать доверие своей племянницы. И баба Ната должна была снова завоевать доверие внучки, и баба Валя, тетя Леля. И автобусу, людям, находившимся тогда в нем, предстояло его снова завоевать. Что ж, у нас впереди было много времени. Девочка еще только начинала жить, только училась писать первые буквы, да и те получались больше похожими на бабочек. Не спугнуть бы этих легкокрылых мотыльков, не дать им улететь раньше времени.